

Санкт-Петербургский государственный университет
Кафедра коммерческого права

Институт снятия корпоративной вуали в российском и зарубежном праве

Выпускная квалификационная работа
студента 2 курса магистратуры
очной формы обучения
Нетрусовой Екатерины Андреевны

Научный руководитель:
доцент, кандидат юридических наук
Лебедев Константин Константинович

Санкт-Петербург
2016

Оглавление

Введение	3
Глава 1: Теории юридического лица и принцип ограниченной ответственности его учредителей.....	5
§ 1 Основные теории юридического лица в гражданском праве.....	5
§ 2 Принцип ограниченной ответственности учредителей (участников) юридического лица перед его кредиторами и исключения из него.....	7

Глава 2: Практика применения института снятия корпоративной вуали в зарубежных странах.....	10
§ 1 Особенности снятия корпоративной вуали в Соединенных Штатах Америки.....	10
§ 2 Особенности снятия корпоративной вуали в Великобритании.....	21
§ 3 Особенности снятия корпоративной вуали в Германии.....	28
Глава 3: Практика применения института снятия корпоративной вуали в Российской Федерации.....	37
§ 1 Законодательные тенденции в Российской Федерации в области снятия корпоративной вуали.....	37
§ 2 Практика российских судов в области снятия корпоративной вуали...	44
Заключение	67
Список литературы	71

Введение

Несмотря на отсутствие в законодательстве Российской Федерации общей нормы, закрепляющей возможность снятия корпоративной вуали, в юридическом сообществе уже давно ведутся дискуссии о необходимости введения данного института, а также обсуждаются вопросы, связанные с практикой применения названной конструкции.

В частности, по мнению бывшего председателя Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации А.А. Иванова, «внедрение этой доктрины в российское арбитражное судопроизводство станет еще одним шагом на пути к социальной ответственности бизнеса»¹. Однако на данный момент в России использование доктрины снятия корпоративной вуали находится пока только в зачаточном состоянии².

Данная тема дает дополнительную возможность проанализировать ряд злоупотреблений предпринимателей при ведении ими своего бизнеса, с которыми суды борются при помощи снятия корпоративной вуали.

При анализе этой темы поднимаются вопросы в области гражданского права и судопроизводства, в частности, вопрос исключительности принципа ограниченной ответственности учредителей, а также судебного усмотрения при попытке снятия корпоративной вуали.

Целью моего исследования является не только обзор зарубежной практики применения доктрины снятия корпоративной вуали, но также и последующий анализ данного института в российском законодательстве и судебной практики в рамках обеспечения необходимого баланса частных и публичных интересов.

В связи с этим можно выделить следующие задачи выпускной квалификационной работы:

- дать общую характеристику институту снятия корпоративной вуали и практике его применения в российском и зарубежном праве;
- проанализировать основные проблемы, связанные с привлечением к ответственности контролирующих юридическое лицо участников, которые возникают как при изучении законодательных актов, так и в судебной практике.

Для решения поставленных задач мной использованы следующий метод исследования - анализ норм законодательства, имеющихся публикаций и судебной практики, в которых каким-либо образом освещена изучаемая проблема.

¹Цит. по : Будылин С.Л., Иванец Ю.Л. Срывающая покровы. Доктрина снятия корпоративной вуали в зарубежных странах и в России // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2013. № 7. С. 81.

²Там же.

Исследование конструкции отказа от ограниченной ответственности является весьма значимым с точки зрения решения вопроса о возможном заимствовании ее элементов в будущем или напротив обоснования принципиальной невозможности функционирования на российской почве.

Тема моей выпускной квалификационной работы является весьма актуальной в связи с многогранностью ее применения и значимостью как в российском, так и в зарубежном корпоративном праве. Изучение проблемы снятия корпоративной вуали в условиях нынешней российской правовой системы является практически актуальным в свете реализуемого реформирования гражданского законодательства, а также недавно произошедшего слияния двух высших судебных инстанций. Снятие корпоративной вуали можно назвать одной из последних современных тенденций в мировом правовом сообществе, что делает эту тему такой интересной и практически значимой.

Глава 1 Теории юридического лица и принцип ограниченной ответственности его учредителей

§ 1 Основные теории юридического лица в гражданском праве

Сущность юридического лица как субъекта права на протяжении веков анализировалась многими учеными, но до сих пор остается предметом дискуссий³. Объяснениям данной цивилистической конструкции посвящены различные теории, среди которых можно назвать теорию целевого имущества,

³Проблемы развития частного права : Сборник статей к юбилею В. С. Ема / С. С. Алексеев, А. В. Асосков, В. Ю. Бузанов и др.; под общ. ред. Е. А. Суханова, Н. В. Козловой. – М., 2011. С. 225.

автором которой был А. Бринц⁴, предполагающую, что права и обязанности могут как принадлежать конкретному лицу, так и служить лишь определенной цели, в связи с чем в последнем случае субъект права вообще не требуется, так как его роль выполняет обособленное с этой целью имущество; теорию интереса, выдвинутую крупнейшим немецким юристом Р. Иерингом⁵, который полагал, что деятельность юридического лица есть деятельность его членов, юридическое лицо не способно иметь самостоятельные интересы и цели, а предназначено только лишь для реализации прав его участников; теорию реальности юридического лица, рассматривавшую юридическое лицо как особый социальный организм или человеческий союз со своей собственной волей, не сводимой к совокупности волей составляющих его отдельных физических лиц (Г. Беселер, О. Гирке⁶, Н.Л. Дювернуа и И.А. Покровский⁷).

В цивилистической науке советского периода также был выдвинут ряд теорий, объясняющих сущность категории юридического лица, прежде всего применительно к господствовавшим в тот период времени государственным организациям (предприятиям и учреждениям)⁸.

В частности, согласно теории Д.М. Генкина⁹ юридическое лицо рассматривалось в качестве «социальной реальности», наделенной определенным имуществом для достижения общественно полезных целей или для решения социально-экономических задач государства и общества.

Некоторые авторы утверждали, что за государственным юридическим лицом всегда стоит само государство, или «всенародный коллектив»,

⁴См.: Brinz A. Lehrbuch der Pandekten. Bd. 1. Erlangen & Leipzig, 1857.

⁵См.: Ihering R.v. Geist des römischen Rechts auf den verschiedenen Stufen seiner Entwicklung. Bd. III. Leipzig, 1865.

⁶См.: Beseler G.v. Volksrecht und Juristenrecht. 1843; Gierke O.v. Deutsches Privatrecht. Bd. 1. Berlin, 1905; ders. Das Wesen der menschlichen Verände. Berlin, 1902.

⁷См.: Дювернуа Н.Л. Чтения по русскому гражданскому праву. Т. 1. Вып. 2. СПб., 1898. С. 262 - 272; Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права (серия «Классика российской цивилистики»). М., 1998. С. 139.

⁸Гражданское право, общая часть : в 4 т. / под общ. ред. Е. А. Суханова. – М., 2008. С. 115.

⁹См.: Генкин Д.М. Юридические лица в советском гражданском праве // Проблемы социалистического права. 1939. N 1. С. 91 и след.

являющийся действительным собственником его имущества (теория государства С.И. Аскназия¹⁰).

Главенствующей теорией в советской доктрине стала теория коллектива, предложенная в работах А.В. Венедиктова и С.Н. Братуся¹¹. В соответствии с данной теорией юридическое лицо является реально существующим социальным образованием, имеющим «людской субстрат» (сущность) в виде коллектива его работников, за которым стоит всенародный коллектив трудящихся.

Другие ученые подчеркивали также роль администрации (директора, руководителя) государственного юридического лица (теория директора Ю.К. Толстого, в определенной мере развивавшаяся В.П. Грибановым¹²). Согласно этим взглядам, поскольку воля руководителя признается волей самого юридического лица и именно через него юридическое лицо приобретает права и обязанности, то руководитель представляет собой сущность этого юридического лица.

Вместе с тем господствующее место в юриспруденции занимает теория фикции (персонификации), согласно которой юридическое лицо есть искусственная конструкция, отвлеченное понятие. Корпорация определяется не просто как совокупность составляющих ее членов, а как единое целое, некое фиктивное лицо (*persona ficta*), не существующее в реальности.

Данная теория получила наибольшее развитие в немецкой цивилистической литературе XIX века. Наиболее видными ее представителями являются Ф. Савиньи, Б. Виндшайд¹³, Г. Пухта¹⁴, которые считали юридическое лицо искусственным субъектом. В качестве фиктивного образования

¹⁰См.: Аскназий С.И. Об основаниях правовых отношений между государственными социалистическими организациями // Уч. зап. Ленинградского юрид. ин-та. Вып. IV. Л., 1947. С. 5.

¹¹См.: Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. М.-Л., 1948. С. 657 - 672; Братусь С.Н. Юридические лица в советском гражданском праве. М., 1947.

¹²См.: Толстой Ю.К. Содержание и гражданско-правовая защита права собственности в СССР. Л., 1955; Грибанов В.П. Юридические лица. М., 1961. С. 46 - 52.

¹³См.: Savigny F.C.v. System des heutigen romischen Rechts. Bd. II. Berlin, 1840; Windscheid B. Lehrbuch des Pandektenrechts. Bd. I. 8. Aufl. Frankfurt, 1900.

¹⁴См.: Герваген Л.Л. Развитие учения о юридическом лице. С. 27 - 47; Суворов Н.С. Об юридических лицах по римскому праву. С. 67 - 74; и др.

рассматривали юридическое лицо Г.Ф. Шершеневич¹⁵, Д.И. Мейер и А.М. Гуляев¹⁶. В странах англо-американского права теория олицетворения получила широкое распространение как теория искусственного образования (artificial entity) или правовой фикции (legal fiction).

Такое понимание юридического лица оказалось пригодным для потребностей общественной жизни. В настоящее время без использования специальной, фиктивной правовой конструкции юридического лица сложно представить гражданский оборот и бизнес как таковой.

Современный российский законодатель также рассматривает юридическое лицо преимущественно с позиций теории фикции как некую организацию, которая создается для достижения юридических, экономических, социальных и иных целей и приобретает правосубъектность вследствие государственной регистрации в установленном законом порядке.

§ 2 Принцип ограниченной ответственности учредителей (участников) юридического лица перед его кредиторами и исключения из него

В литературе указывается, что «принцип отделения», который, как отмечает Е.А. Суханов, составляет фундамент корпоративного права и заключается в «последовательном отделении юридической личности (самостоятельной правосубъектности) и имущества корпорации от личности и имущества ее участников»¹⁷, базируется именно на теории фикции.

Этот принцип ограничивает ответственность учредителей корпорации по ее долгам их вкладами в уставный капитал и имущество, составляющее смысл самой конструкции юридического лица как «корпоративного щита», защищающего личное имущество его участников от требований третьих лиц¹⁸.

¹⁵См.: Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). С. 89 - 91.

¹⁶См.: Мейер Д.И. Русское гражданское право. СПб., 1902. С. 84 - 87; Гуляев А.М. Русское гражданское право. СПб., 1913. С. 74 - 75.

¹⁷Проблемы современной цивилистики: Сборник статей, посвященных памяти профессора С.М. Корнеева / отв. ред. Е. А. Суханов, М. В. Телюкина. - М.: Статут, 2013. С. 250.

¹⁸Там же.

Принцип ограниченной ответственности в российском законодательстве закреплен в п. 2 ст. 56 ГК РФ¹⁹: «учредитель (участник) юридического лица или собственник его имущества не отвечают по обязательствам юридического лица, а юридическое лицо не отвечает по обязательствам учредителя (участника) или собственника, за исключением случаев, предусмотренных данным Кодексом или другим законом».

При таком подходе конструкция юридического лица позволила решить множество проблем, возникающих при регулировании общественных отношений.

В рассуждениях сторонников теории олицетворения фикция используется неоднократно. Во-первых, когда понятие естественного лица (персоны) переносится на социальное образование. Во-вторых, фикция применяется для признания за искусственным лицом возможности волеизъявления и дееспособности. Поскольку юридическое лицо действовать само не может, именно посредством фикции воля, а также фактические и юридически значимые действия физических лиц рассматриваются как воля и действия самого юридического лица.

Отражением названного подхода служит норма [п. 3 ст. 53](#) ГК РФ, согласно которой лицо, которое в силу закона, иного правового акта или учредительного документа юридического лица уполномочено выступать от его имени, должно действовать в интересах представляемого им юридического лица добросовестно и разумно. При этом оно обязано по требованию юридического лица, его учредителей (участников), выступающих в интересах юридического лица, возместить убытки, причиненные по его вине юридическому лицу (п. 1 ст. 53.1 ГК РФ). Тем самым подчеркивается, что юридическое лицо и персона, осуществляющая функции его единоличного исполнительного органа, а также члены его коллегиальных органов являются разными субъектами, между которыми существуют гражданско-правовые (корпоративные) отношения.

¹⁹Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) [Электронный ресурс] : федер. закон от 30 нояб. 1994 г. №51-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301. (в ред. от 31.01.2016). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Однако появление института юридического лица не привело к решению всех задач, в частности это касается научной полемики о волеизъявлении юридического лица²⁰ и связанных с ним злоупотреблениях его участников, подтверждением чему служат вышеприведенные положения ст. 53.1 ГК РФ.

Таким образом, некогда выведенные принципы автономности и ограничения ответственности участников юридического лица, лежащие в основе самой концепции юридического лица, со временем стали служить средством для разного рода нарушений. В связи с этим современная доктрина выработала прием для борьбы с этим явлением — так называемую концепцию снятия корпоративной вуали.

По моему мнению, для действительного понимания сущности юридического лица нужно снять с него все покровы, «поднять корпоративную вуаль», чтобы найти скрывающуюся под маской юридического лица субстанцию и выяснить реального субъекта, интересы которого представляет данное юридическое лицо. Высказываемые же некоторыми учеными опасения по поводу, того, что использование концепции снятия корпоративной вуали способно пошатнуть фундаментальный принцип ограниченной ответственности, на мой взгляд, беспочвенны, поскольку, как известно, существование исключений лишь подтверждает наличие общего правила.

Глава 2 Практика применения института снятия корпоративной вуали в зарубежных странах

§ 1 Особенности снятия корпоративной вуали в Соединенных Штатах Америки

Поскольку родиной доктрины снятия корпоративной вуали принято считать англо-американское право, рассмотрение основных аспектов данной доктрины и практики ее применения следует начать именно с этого правопорядка.

²⁰Мусин В.А. Волевые акты государственного предприятия и проблема сущности юридического лица // Правоведение. 1963. № 1. С. 61.

В связи с тем, что на определенном этапе исторического развития персональные объединения перестали отвечать требованиям гражданского оборота, а усложнившиеся хозяйственные связи потребовали создания такого объединения, которое должно было быть достаточно обособлено как от состава участников, так и от их воли, вместо объединения лиц возник новый самостоятельный субъект права, созданный участниками в результате объединения капиталов, - корпорация²¹.

В решении Верховного суда США по делу «The Trustees of Dartmouth College v. Woodward», вынесенному в начале XIX в., было дано следующее определение корпорации: «Корпорация - это искусственное образование, невидимое, неосязаемое и существующее только с точки зрения закона».

Хотелось бы отметить, что современное определение корпорации в праве США также исходит из ее фиктивного характера, в частности, корпорацию называют искусственным образованием, юридической личностью, созданной в соответствии с законом штата или федеральным законом США и представляющей собой соединение нескольких индивидуумов.

В США понятием корпорация охватывается самый широкий круг юридических лиц. При этом основными признаками американской предпринимательской корпорации являются: ограниченная ответственность участников корпорации по ее долгам; свободное отчуждение ими своих акций; наличие централизованного управления в виде внутренних органов, а также внешняя независимость корпорации от состава ее участников.

Следствием формирования таких атрибутов корпорации, как самостоятельность и независимость, в результате чего последняя стала рассматриваться в качестве полноценного существующего отдельно субъекта права²², и стало возникновение доктрины снятия корпоративной вуали.

Само понятие «снятие корпоративной вуали» получило широкую огласку

21 Макарова О. А. Корпоративное право. М., 2005. С. 20.

22 Ломакин Д.В. Концепция снятия корпоративного покрова: реализация ее основных положений в действующем законодательстве и проекте изменений Гражданского кодекса РФ // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2012. № 9. С. 9.

после публикации в юридическом журнале Колумбийского университета в 1912 году²³ статьи М. Уормсера, который выступал за снятие корпоративной вуали в случаях, когда корпорация является альтер эго своих участников, то есть их вторым я.

Прежде всего следует отметить, что институт снятия корпоративной вуали предусматривает, как правило, возможность возложения в интересах кредиторов ответственности по обязательствам компании непосредственно на контролирующих ее лиц, в роли которых могут выступать как сами участники общества, так и отдельная материнская компания.

Помимо этого в литературе также выделяют иные проявления данной доктрины: игнорирование самостоятельности юридического лица в интересах самих участников общества, а не его кредиторов, а также так называемое «обратное» снятие корпоративной вуали, предполагающее распространение ответственности участника в отношении юридического лица, а не наоборот²⁴.

Обращаясь к американской практике, следует отметить, что изначально основополагающей идеей снятия корпоративной вуали, которая получила закрепление в делах *Booth v. Bunch*²⁵ и *Laya v. Erin Homes, Inc.*²⁶, стала идея о том, что самостоятельность корпорации может быть проигнорирована в случае, если она используется в противоречии с целями, выдвигаемыми правопорядком. Так, в решениях судов по упомянутым делам было указано, что корпорация является правовой фикцией, введенной для целей удобства и содействия экономическому обороту, которой можно пренебречь, если она используется как инструмент, прикрывающий мошенничество сторон, посредством которого они получают необоснованную выгоду.

²³Wormser I. Piercing the veil of corporate entity // Columbia Law review. N.Y., 1912. № 12. P. 496 - 518.

²⁴Егоров А.В., Усачева К.А. Доктрина «снятия корпоративного покрова» как инструмент распределения рисков между участниками корпорации и иными субъектами оборота // Вестник гражданского права. 2014. № 1. С. 82.

²⁵Цит. по: von Arnim C. U. S. Corporation und Aktiengesellschaft im Rechtsvergleich - Haftungsdurchgriff im deutschen Kapitalgesellschaftsrecht und Piercing the Corporate Veil im Recht der U. S.-amerikanischen Corporation. NZG. 2000. S. 1006; Bainbridge S. M. Abolishing LLC Veil Piercing // University of Illinois Law Review. 2005. N 1. P. 80; Bainbridge S. M. Abolishing Veil Piercing // Journal of Corporation Law. 2001. Vol. 26; Merkt H., Gotherl S. R. US-amerikanisches Gesellschaftsrecht. Frankfurt am Main, 2006. S. 1006.

²⁶Цит. по: Ibidem.

Практическое применение доктрины снятия корпоративной вуали или, как ее еще иногда называют: «срывание корпоративной маски», «проникновение под корпоративный покров», «прокалывание корпоративной завесы»²⁷, различается не только в странах англосаксонского права, но и в разных штатах Америки, что связано с отсутствием единых четких критериев, которыми могли бы руководствоваться суды в правоприменительной деятельности для определения возможности отказа в конкретном случае от принципа ограниченной ответственности учредителей (участников) компании. Как указывал в свое время судья Б. Кардозо, эта доктрина «окутана туманом метафор»²⁸. Однако в целом толкование положений данной доктрины примерно одинаково.

Вследствие этого в США по сравнению с другими правовыми порядками применение рассматриваемой доктрины отличается исключительной гибкостью, решение по тому или иному делу зависит зачастую от конкретных обстоятельств, что означает широкое усмотрение суда на практике и влечет отсутствие единообразия и последовательности судов при разрешении споров по вопросу о снятии корпоративной вуали²⁹.

Первым судебным актом, в котором были отчетливо сформулированы основания снятия корпоративной вуали, стало принятое в 1905 году решение по делу *United States v. Milwaukee Refrigeration Transit Co.*³⁰, в котором суд указал на необходимость рассмотрения корпорации как ассоциации лиц в ситуациях, при которых категория юридического лица используется для нарушения публичных интересов, оправдания правонарушения, сокрытия мошенничества или защиты преступления³¹. Таким образом, при подобных условиях корпорация в названных случаях лишается статуса самостоятельного субъекта

27 Ломакин Д.В. Указ. соч. С. 8.

28³Подробнее см.: Vainbridge S.M. *Abolishing Veil Piercing* // *Journal of Corporation Law* (26, 2001). P.36-37; Case Comment, *Piercing the corporate veil in Ohio*. P. 954.

29³Захаров А.Н. Некоторые вопросы снятия корпоративной вуали: американский опыт и возможности его использования в российском праве // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. 2014. № 10. С. 34.

30³*U.S. v. Milwaukee Refrigerator Transit Co.*, 142 F. 247 (C.C.E.D. Wisc. 1905).

31 Будылин С.Л., Иванец Ю.Л. Указ. соч. С. 90.

права для целей разрешения конкретного спора.

Проблема размытости оснований применения доктрины на законодательном уровне и чрезмерная зависимость от контекста со временем была решена судебной практикой, выработавшей различные теории снятия корпоративной вуали, в частности теорию «Alter ego» и теорию «Instrumentality», а также непосредственно связанный с данными теориями тест Ф.Дж. Пауэлла, который, как отмечают К. Крэндел и Дж. Крэндел, на практике помогает судам в поиске ответа на вопрос о том, в каких случаях следует игнорировать наличие корпоративной вуали в отношениях между материнской и дочерней организациями, чтобы привлечь первую к ответственности по долгам последней.

Теория «Alter ego» используется, когда подконтрольное лицо является частью или вторым я контролирующего лица, иначе говоря, корпорация и ее владельцы существуют как единое целое, и корпорация перестает быть самостоятельной, вследствие чего для достижения справедливости необходимо снять «вуаль» и привлечь к ответственности не только корпорацию, но и ее владельцев, которые становятся неразличимы³². Юридическое лицо в данном случае выступает в качестве «альтернативной личности» его владельцев³³.

Ярким примером использования данной теории является дело G.E.J. Corp. v. Uranium Air, Inc.³⁴, в котором суд отметил, что если дочерняя организация является alter ego материнской организации, наличие обособленного статуса компаний не учитывается. Суд также указал, что дочерняя корпорация не просто находилась под влиянием и управлением материнской компании, но между ними существовало такое единство имущества и интересов, в результате которого их обособленность была утрачена, а дальнейшее соблюдение принципа самостоятельности и независимости юридического лица было бы недопустимо.

Теория «Instrumentality» применяется при исследовании корпорации на

³² Захаров А.Н. Указ. соч. С. 36.

³³ Абрамян Т.А. Указ. соч. С. 22.

³⁴ См.: G.E.J. Corp. v. Uranium Aire, Inc., 311 F.2d 749 (9th Cir. 1963).

предмет ее использования учредителями в качестве инструмента для достижения различных целей в интересах последних³⁵.

Между тем на практике, применяя обе теории, суды при рассмотрении дел прибегают к использованию предложенного Ф.Дж. Пауэллом трехфакторного теста, состоящего из трех критериев, позволяющих определить обоснованность снятия корпоративной вуали в той или иной ситуации, к которым следует отнести: контроль, предполагающий полное доминирование над корпорацией со стороны лица, в отношении которого требуется снять вуаль, или обособленность (*control or separateness*); противоправную цель и неправомерные действия по ее достижению (*wrongful conduct*), а также причинение убытков кредиторам корпорации в результате оказываемого влияния и противоправного поведения, иначе говоря, причинно-следственную связь.

Данный тест Ф.Дж. Пауэлла получил широкое развитие в судебной практике почти всех штатов. Однако значение факторов в отдельных штатах неодинаково. При этом каждый из факторов теста предполагает набор второстепенных субфакторов³⁶.

При оценке фактора контроля суды определяют, имело ли место обособленное существование дочерней корпорации и чрезмерное господство над ее повседневными операциями и решениями со стороны контролирующего лица, предполагающее значительное влияние на стратегию и коммерческую деятельность подконтрольного юридического лица. При этом суды учитывают: какая часть уставного капитала дочерней корпорации принадлежит материнской организации; наличие общих директоров или должностных лиц; выплату материнской корпорацией заработной платы и компенсацию убытков и иных расходов дочерней корпорации; недостаточность капитализация дочерней корпорации с учетом фактических коммерческих рисков; несоблюдение корпоративных формальностей и процедур; наличие общих адреса, офиса,

³⁵Крылов В.Г. Доктрина снятия корпоративной вуали в странах общего права: опыт Великобритании и США // Гражданское право. 2013. № 4. С. 20 - 23.

³⁶Захаров А.Н. Указ. соч. С. 34.

номера телефона; степень собственного коммерческого усмотрения подконтрольного лица при совершении тех или иных сделок³⁷.

Фактор противоправных действий предполагает, что контролирующее лицо использует имеющийся у него контроль над корпорацией для совершения противоправных и недобросовестных действий в ущерб подконтрольному лицу, к которым суды относят: нарушение устава подконтрольной корпорации, мошенничество или введение в заблуждение кредиторов относительно финансового положения корпорации, лишение подконтрольной корпорации ее активов, иначе говоря, перекачивание денежных средств, и иные случаи злоупотреблений и обмана со стороны контролирующего лица³⁸.

Что касается причинно-следственной связи, то традиционно для снятия корпоративной вуали требуется, чтобы контроль и противоправные действия выступали непосредственными предпосылками убытков, составляющих предмет заявленного иска³⁹. Однако поскольку наличие данного фактора, как правило, предполагается судами в отсутствие опровержения со стороны контролирующего лица, данный тест принято считать двухкомпонентным (two-prong test).

Примером использования данного теста служит решение по делу *American Fuel Corp. v. Utah Energy Development Co., Inc.*⁴⁰, в котором Апелляционный суд США по второму округу приводит следующие элементы, подлежащие доказыванию в целях дальнейшего снятия корпоративной вуали:

- полное доминирование владельца над корпорацией в отношении конкретной сделки (exercised complete domination);
- использование доминирования в целях обмана или совершения правонарушения (fraud or wrong), последствиями которых стало причинение ущерба стороне, требующей снять вуаль.

В этом же деле помимо уже перечисленных выше указываются следующие

³⁷Захаров А.Н. Указ. соч. С. 41.

³⁸Там же. С. 42.

³⁹Там же. С. 45.

⁴⁰ Апелляционный суд США по Второму округу. *American Fuel Corp. v. Utah Energy Development Co., Inc.*, 122 F.3d 130 (2d Cir. 1997).

факторы, совокупность которых может быть использована судами для установления факта доминирования:

- для каких целей используются средства корпорации (личных или корпоративных);

- имеются ли пересечения, если речь идет о двух организациях, в части собственников, директоров или работников (штата сотрудников);

- оплачивают ли другие лица долги подконтрольной организации;

- имеется ли у корпорации какое-либо имущество, которое используется контролирующей организацией как ее собственное;

В добавление к названным факторам судья McHugh в упомянутом ранее деле *Laya v. Erin Homes, Inc.*⁴¹ также привел перечень некоторых типичных критериев, которые используются в практике, когда речь идет о допустимости снятия корпоративной вуали:

- смешано ли имущество компании с частным имуществом участника;

- протоколировались ли надлежащим образом собрания участников и совета директоров, велась ли внутренняя документация;

- использовалась ли компания только как оболочка (*shell, conduct*) для ведения дел;

- находятся ли все доли участия под контролем одного лица или семьи;

- использовалась ли компания исключительно как канал для приобретения товаров, работ и услуг для другого лица;

- использовалась ли компания как инструмент для совершения незаконных сделок;

- была ли компания изначально создана для того, чтобы возложить на нее существующие обязательства другого лица;

- были ли выведены активы корпорации в пользу ее участника или иного лица в ущерб кредиторам и были ли активы и пассивы распределены таким образом, что одни концентрировались на стороне контролирующей

⁴¹Arnim C. von. Op. cit. S. 1006; Merkt H., Gothel S. R. Op. cit. S. 239 - 240; см. также: Bainbridge S. M. *Abolishing Veil Piercing*. P. 40 – 41.

организации, а другие – на стороне подконтрольной⁴².

Следует отметить, что традиционно как в США, так и в Великобритании признается недостаточность лишь одного из компонентов рассмотренного теста, в частности контроля в отсутствие каких-либо злоупотреблений со стороны контролирующего лица.

Примером тому служит решение по делу *North v. Higbee*, в котором Верховный суд штата Огайо, указав, что для снятия корпоративной вуали необходимо установить не только существование чрезмерного контроля над дочерней организацией, но также и то, что потерпевший был обманут или введен в заблуждение, не признал материнскую организацию ответственной по долгам дочерней⁴³.

Аналогичный вывод о недостаточности одного лишь факта контроля был сделан также в деле *Belvedere Condominium Unit Owners' Ass'n v. R.E. Roark Cos.*⁴⁴, в котором суд указал на необходимость доказывания двух элементов – того, что корпорация создана в целях мошенничества и что контроль над ней участников осуществляется с целью обмана контрагента.

Подобное строгое следование выработанному тесту основано на том, что суд не может беспрепятственно игнорировать правовой принцип, согласно которому компания является самостоятельным юридическим лицом, а ее акционер не отвечает за долги компании, лишь потому, что полагает, что этого требует справедливость.

Вместе с тем несмотря на то, что базовые правила снятия корпоративного покровы применяются абсолютным большинством американских судов, в судебной практике все же встречаются решения, в которых суды не всегда строго придерживаются указанного трехфакторного теста, а судьи не требуют доказательств по каждому из факторов. В определенных случаях решение может быть вынесено только лишь на основании одного фактора⁴⁵.

42[□]Егоров А.В., Усачева К.А. Доктрина «снятия корпоративного покровы» как инструмент распределения рисков между участниками корпорации и иными субъектами оборота. С. 9-10.

43[□]Case comment, *Piercing the corporate veil in Ohio*. P.955.

44[□]*Ibid.* P. 955.

45[□]Захаров А.Н. Указ. соч. С. 34.

В целом для таких дел характерны ссылки на предельно убедительные фактические обстоятельства, которые вне всяких сомнений свидетельствуют о необходимости привлечения контролирующей корпорации к ответственности по обязательствам подконтрольной. Наличие таких дел, с моей точки зрения, в судебной практике демонстрирует гибкость доктрины снятия корпоративной вуали, позволяющей принять решение на основании только одного фактора, тогда как иное решение привело бы к несправедливому результату и поощрению недобросовестности в отношениях с контрагентами.

Так, в решении по делу *Wallersteiner v. Moir* (№ 2)⁴⁶ судья Деннинг счел возможным снять корпоративную вуаль в целях воплощения интересов справедливости (*the justice of the case*), вследствие чего корпорация и ее участник были рассмотрены как единое целое в аспекте ответственности перед кредитором.

В этой связи следует вспомнить, что изначальной предпосылкой для снятия корпоративной вуали помимо отсутствия фактического разделения между корпорацией и ее участником служило то, что сохранение самостоятельности юридического лица привело бы в конечном итоге к несправедливому результату, на что было указано в решении по делу *Platt v. Billingsley*⁴⁷.

Хотелось бы отметить, что ответ на вопрос о том, достаточно ли использование одного из факторов при принятии решения о снятии корпоративной вуали и привлечении материнской компании к ответственности по долгам дочерней, составляет во многом то самое различие между используемыми тестами и в целом судебной практикой различных штатов Америки.

При этом иногда указанный принцип справедливости может вступать в противоречие с такими однопорядковыми ценностями, как принцип добросовестности. Так, в деле *Ord v. Belhavens Pubs Ltd.*⁴⁸, суд оправдал

⁴⁶См.: Mulhens J. *Der sogenannte Haftungsdurchgriff im deutschen und englischen Recht: Unterkapitalisierung und Vermögensentzug*. Tübingen, 2006. S. 110.

⁴⁷Цит. по: von Arnim C. *Op. cit.* S. 1006.

⁴⁸См.: Mulhens J. *Op. cit.* S. 110.

уменьшение активов компании в связи с ухудшением ситуации на рынке несмотря на возникшую в связи с этим несправедливость по отношению к кредиторам компании, усмотрев в ее действиях наличие добросовестности.

На мой взгляд, превалирование одного принципа над другим недопустимо в силу их взаимосвязанности и взаимозависимости. Иначе говоря, справедливость невозможна без добросовестности, и наоборот, добросовестность немыслима без справедливости.

В целом же следует признать, что вывод о том, что для снятия корпоративной вуали хватит лишь одного фактора, к примеру, факта недостаточной капитализации, единогласно не поддержан судами США.

В качестве неординарного примера снятия корпоративного покрова следует привести дело *Bridas v. Government of Turkmenistan*⁴⁹, в котором суд не только возложил ответственность по долгам компании на контролирующее ее публично-правовое образование в лице правительства Туркменистана, но и допустил возможность перехода договорных обязательств контролируемого лица на его учредителя вопреки существующему в англо-американском праве принципу частного характера договора, согласно которому ни у кого, кроме сторон договора, не возникает прав или обязанностей по этому договору⁵⁰, что с моей точки зрения, верно, поскольку наличие договорной связи не должно являться препятствием для установления баланса в правоотношениях в случае злоупотребления правилом об ограниченной ответственности учредителей (участников) юридического лица перед его кредиторами.

В качестве еще одного примера столкновения доктрины снятия корпоративной вуали с иными выработанными судебной практикой концепциями необходимо обратиться к обстоятельствам дела *JSC Foreign Economic Association Technostroyexport v. International Development and Trade Services, Inc.*⁵¹, в котором суд, отвергнув ссылку американской корпорации на

⁴⁹ Апелляционный суд США по Пятому округу. *Bridas S.A.P.I.C. v. Government of Turkmenistan*, 447 F.3d 411 (5th Cir. 2006).

⁵⁰ Бudyлин С.Л., Иванец Ю.Л. Указ. соч. С. 86.

⁵¹ Округной суд США по Южному округу Нью-Йорка. *JSC Foreign Economic Association Technostroyexport v. International Development and Trade Services, Inc.*, 386 F.Supp.2d 461 (S.D.N.Y. 2005).

отсутствие у российского контрагента права требовать снятия корпоративной вуали по причине получения им взяток со стороны американской организации, пришел к выводу о том, что доктрина «нечистых рук», согласно которой недобросовестная сторона не может требовать судебной защиты по праву справедливости, не подлежит применению в делах о взыскании убытков и не имеет значения при решении вопроса о том, является ли американская корпорация «alter ego» контролирующих ее физических лиц в целях привлечения последних к ответственности⁵².

Подводя итог анализу американского опыта, следует отметить, что существующие правила снятия корпоративной вуали неоптимальны. Суть предложений по реформированию этой доктрины как правило сводится к повышению определенности отдельных формулировок и попыткам сделать ее использование более однородным.

В то же время излишний формализм, на мой взгляд, будет неоправданно ограничивать суды. Было бы заблуждением пытаться исчерпывающим образом описать в законе все возможные случаи и условия ответственности контролирующего лица по обязательствам подконтрольного.

По моему мнению, существование неопределенности в практике применения доктрины снятия корпоративной вуали обосновывается тем, что осуществление правосудия требует наличия гибких правовых норм, которые бы допускали достаточное пространство для необходимого учета соображений справедливости. Иначе говоря, некоторая свобода в использовании данной доктрины является ее неотъемлемым и присущим ей свойством, которое не должно оцениваться исключительно как недостаток.

§ 2 Особенности снятия корпоративной вуали в Великобритании

В Великобритании концепция акционерной компании, являющейся самостоятельным от ее акционеров субъектом права, была впервые введена законом в 1844 году. Ограниченную же ответственность компании получили

⁵² Будылин С.Л., Иванец Ю.Л. Указ. соч. С. 97.

несколько позднее – в 1855 году, а в 1862 году был принят первый закон о компаниях, к которому восходит и ныне действующий закон 2006 года⁵³.

Изучая английский правопорядок, наряду с уже упомянутыми и выработанными американской судебной практикой теориями снятия корпоративного покрова, следует также выделить теорию «фасада». Речь в данном случае идет об определенных обстоятельствах, указывающих на то, что компания служит лишь фасадом для деятельности ее участников. Так, в деле *Jones v. Lipman*⁵⁴ участник компании – Mr. Lipman договорился о продаже принадлежащего ему земельного участка Mr. Jones, однако впоследствии передумал и отказался от исполнения сделки, передав участок полностью контролируемой им компании с целью избежать понуждения его к исполнению обязанности по договору в натуре. При таких обстоятельствах суд обязал обоих соответчиков – Mr. Lipman и подконтрольную ему компанию к передаче земельного участка истцу, признав, компанию фасадом ее участника.

Существенным и даже иногда решающим значением при решении вопроса о допустимости снятия корпоративного покрова обладает соблюдение организацией корпоративных формальностей. В частности, речь идет о том, что создание компании не было до конца завершено, доли в уставном капитале оплачены лишь частично либо не оплачены вовсе, акции не были эмитированы, учредительное собрание или выборы совета директоров не были проведены, отсутствует формальное одобрение или надлежащее документирование сделок между контролирующей организацией и подконтрольным лицом, отсутствует делопроизводство или документооборот, частные дела участника смешаны с делами компании, не ведется бухгалтерский или налоговый учет. Однако важно при этом оговориться и отметить, что несоблюдение формальностей, которое может свидетельствовать в действительности о фактическом отсутствии компании, должно сопровождаться причинением значительного вреда⁵⁵. Таким

⁵³ Там же. С.82.

⁵⁴ См.: Griffin S. *Company Law. Fundamental Principles*. 4th ed. 2006. P. 15.

⁵⁵ Егоров А.В., Усачева К.А. Доктрина «снятия корпоративного покрова» как инструмент распределения рисков между участниками корпорации и иными субъектами оборота. С. 14.

образом игнорирование корпоративных формальностей по сути означает, что корпоративная форма используется в качестве прикрытия (shield) или вуали.

Между тем снятие корпоративной вуали является не единственным способом, используемым в целях осуществления контроля за злоупотреблениями при распределении рисков в процессе ведения бизнеса. Наряду с рассматриваемой нами доктриной выделяют доктрину единого коммерческого предприятия (single business enterprise) или, как ее еще иногда называют, теорию экономического единства и доктрину агентских отношений, также служащих в качестве юридических инструментов привлечения к ответственности контролирующей организации.

Концепция экономического единства (single economic unit) встречается исключительно в сфере отношений с участием групп компаний, ведущих общий бизнес, вследствие чего можно говорить об экономически едином предприятии (enterprise entity), когда контролирующее лицо управляет сразу несколькими подконтрольными организациями в рамках реализации бизнес-стратегии⁵⁶. Идея этой концепции заключается в том, что правовая оценка группы компаний должна осуществляться с учетом экономической составляющей. Иначе говоря, данная группа должна рассматриваться как правовое единство, признаками которого служат такие типичные критерии, как: смешанность имущества, документации, трудовых отношений и отношений представительства контролирующей и подконтрольной компаний; отсутствие четкого разделения в отношении их внутреннего устройства; отсутствие собственных интересов у подконтрольной компании.

Впервые данная доктрина была использована в деле *Paramount Petroleum v. Taylor Rental*⁵⁷, в котором компании объединяют свои ресурсы для достижения общей деловой цели, в связи с чем каждая из них может быть привлечена к ответственности по обязательствам, возникшим в ходе достижения указанной цели. Интересным, на мой взгляд, является тот факт, что в качестве признаков

⁵⁶ Захаров А.Н. Указ. соч. С. 50.

⁵⁷ См.: *Paramount Petroleum v. Taylor Rental Ctr.*, 712 S.W.2d 534, 536 (Tex. App. – Houston [14th Dist.] 1986, writ ref'd n.r.e.).

единого коммерческого предприятия судом в данном деле были названы уже такие ранее упоминавшиеся в ходе рассмотрения теории alter ego признаки, как общие работники, общие офисы, централизованный бухгалтерский учет, недокументированное перечисление средств между организациями и некоторые другие, в связи с чем несмотря на наличие единого делового интереса закономерно встает вопрос о целесообразности и необходимости порождения и дальнейшего существования нескольких теорий, преследующих одну и ту же цель - привлечение контролирующих лиц к ответственности и одновременно частично пересекающихся в сфере их применения, в контексте известного методологического принципа, гласящего: «Не следует привлекать новые сущности без крайней на то необходимости».

Помимо теории экономического единства в ряде случаев для привлечения контролирующей корпорации к ответственности по обязательствам подконтрольной применяется квалификация отношений между ними как агентских. Так, при рассмотрении дела *Solar International Shipping Agency v. Eastern Proteins Export, Inc.*⁵⁸ суд пришел к выводу о том, что контролирующая организация несет ответственность по договору перевозки, заключенному подконтрольной ей корпорацией, поскольку она выступала в качестве непоименованного принципала.

Необходимо признать, что данная теория существенно отличается от доктрины снятия корпоративной вуали, так как в ее основе лежат иные теоретические принципы. Кроме того, она не требует соблюдения критерия противоправных действий, и для ее применения достаточно установить факт осуществления чрезмерного контроля над подконтрольным лицом.

Одним из первых судебных дел, в котором английский суд впервые употребил выражение «корпоративная вуаль», было дело *Salomon v. A. Salomon & Co Ltd.*⁵⁹, суть которого заключалась в следующем. Мажоритарный акционер являлся учредителем общества с ограниченной ответственностью, а члены его

⁵⁸ См.: *Solar International Shipping Agency v. Eastern Proteins Export, Inc.* 778 F.2d 922, 925 (2nd Cir. 1985).

⁵⁹ Решение Судебного комитета палаты лордов по делу *Salomon v. A. Salomon & Co Ltd.* [1897]. AC 22.

семьи были участниками, владеющими долями общества. Несмотря на то, что мажоритарий полностью контролировал компанию, которая впоследствии обанкротилась, палата лордов не согласилась с выводами судов, по мнению которых, компания была фактически равна самому акционеру и являлась инструментом для обмана кредиторов, и отменила принятые нижестоящими судебными инстанциями акты, отказав в возложении на акционера ответственности по долгам компании⁶⁰. Как выразился один из лордов, а именно Лорд Сампшэн: «отдельная личность и имущество компании иногда описывают как фикцию и таковым она и является. Однако эта фикция есть основа корпоративного права Англии и законодательства о банкротстве»⁶¹.

Еще одним примером снятия корпоративной вуали является судебное решение по делу *DHN Food Distributors v. Tower Hamlets London Borough Council*⁶², обстоятельства которого были таковы, что земельный участок, принадлежащий на праве собственности компании, входившей в холдинг DHN, был принудительно выкуплен для государственных нужд. При этом на указанном земельном участке, правом бессрочной аренды которого обладала материнская компания DHN, находился принадлежащий ей склад магазина, изъятие которого приводило к прекращению бизнеса DHN. Однако поскольку формально участок принадлежал дочерней организации, материнское общество не имело права претендовать на возмещение убытков. В связи с этим DHN обратилась в суд с требованием снять корпоративную вуаль, ссылаясь на то, что она имела долю в уставном капитале дочерней компании в размере 100%, в качестве директоров обеих организаций выступали одни и те же лица, а дочернее общество не вело никакой самостоятельной деятельности. Суд удовлетворил заявленные требования и снял корпоративную вуаль с целью получения компенсации за изъятие земельного участка⁶³.

60 Будылин С.Л., Иванец Ю.Л. Указ. соч. С. 83.

61 Denys Hickey and David Richards, *United Kingdom: Piercing The Corporate Veil: Supreme Court Clarifies The English Law Position*, 25.09.2013.

62 Решение Апелляционного суда Англии и Уэльса по делу *DHN Food Distributors Ltd. v. Tower Hamlets London Borough Council* [1976] 3 All E.R. 462.

63 Будылин С.Л., Иванец Ю.Л. Указ. соч. С. 83.

В еще одном немаловажном деле *Adams v. Cape Industries*⁶⁴, представляющим интерес в связи с призмой, через которую апелляционная инстанция посмотрела на вопрос о снятии корпоративной вуали, в частности, в юрисдикционных целях, английский суд отказался привести в исполнение решение Техасского суда о взыскании с британской компании, продающей асбест через свои аффилированные организации в США, компенсации в счет возмещения вреда, причиненного здоровью работников американской фабрики непосредственно при работе с поставляемым асбестом, указав, что британская компания, не ведущая свою деятельность в США, не подпадает под юрисдикцию американского суда, а основания для снятия корпоративной вуали в целях привлечения британской компании к ответственности по обязательствам ее дочерней американской организации отсутствуют, поскольку аффилированная компания в США не являлась простым фасадом британской компании⁶⁵.

Интересным примером снятия корпоративной вуали также является дело *Nashem v. Shayif & Anor*⁶⁶, в котором Высокий суд Англии и Уэльса формулирует и подробно описывает основания применения рассматриваемой доктрины. В частности, по мнению английского суда, владение и контроль в отношении контролируемого лица не являются достаточными критериями для снятия корпоративной вуали; суд также не может снять корпоративную вуаль только лишь потому, что это соответствует интересам правосудия; корпоративная вуаль может быть снята, если имеет место недобросовестность в действиях контролирующего лица, которое использует корпоративную структуру как фасад для сокрытия правонарушения и избежания ответственности⁶⁷.

Возвращаясь к вопросу о возможности перехода договорных обязательств при применении доктрины снятия корпоративной вуали, следует отметить, что

64[□] Апелляционный Суд Англии и Уэльса. *Adams v Cape Industries plc* [1990] Ch 433.

65[□] Будылин С.Л., Иванец Ю.Л. Указ. соч. С. 84.

66[□] Высокий Суд Англии и Уэльса. *Nashem v Shayif & Anor* [2008] EWHC 2380 (Fam).

67[□] Будылин С.Л., Иванец Ю.Л. Указ. соч. С. 85.

в отличие от американских судов суды Великобритании жестко высказываются в пользу соблюдения принципа частного характера договора, который не может быть преодолен необходимостью снятия корпоративной вуали в интересах правосудия⁶⁸. В частности, в деле *Antonio Gramsci v. Stepanovs*⁶⁹, суть которого заключалась в том, что латвийский предприниматель - один из руководителей Латвийского морского пароходства сдавал в аренду управляемые возглавляемой им компанией суда через контролируемые руководителями названного пароходства офшорные компании; впоследствии пароходство обратилось в суд с иском к офшорным компаниям о взыскании недополученных доходов, требуя привлечь в качестве соответчика самого предпринимателя, признав его стороной договора фрахтования судна, заключенного между судовладельцами и офшорными компаниями, суд определил, что снятие корпоративной вуали дает возможность признать физическое лицо ответственным по договорным обязательствам контролируемой им компании.

Однако уже в другом деле *VTB v. Nutritek*⁷⁰, Верховный Суд Великобритании признал не имеющим прецедентной силы ранее принятое решение, допускающее переход договорных обязательств, указав, что возможность снятия корпоративной вуали в английском праве не распространяется на договорные обязательства⁷¹. По обстоятельствам данного дела английская дочерняя организация российского банка ВТБ – *VTB Capital plc* выдала обществу с ограниченной ответственностью «Руссагропром» кредит в размере 225 млн. долл. в целях покупки заводов, которые были им приобретены у офшорной компании *Nutritek International Corp.*, контролируемой российским предпринимателем. В дальнейшем поскольку кредит не был возвращен в полном объеме, банк обратился в Высокий суд, потребовав привлечь в качестве соответчика российского предпринимателя и

⁶⁸ Там же. С. 87.

⁶⁹ Высокий Суд Англии и Уэльса. *Antonio Gramsci Shipping Corp & Ors v Stepanovs* [2011] EWHC 333 (Comm).

⁷⁰ *VTB Capital Plc v Nutritek International Corp & Ors* [2011] EWHC 3107 (Ch) (Высокий Суд Англии и Уэльса); affirmed by [2012] EWCA Civ 808 (Апелляционный Суд Англии и Уэльса); affirmed by [2013] UKSC 5 (Верховный Суд Соединенного Королевства).

⁷¹ Будылин С.Л., Иванец Ю.Л. Указ. соч. С. 87.

контролируемого им продавца – компанию Nutritek, сославшись на то, что он был введен в заблуждение относительно стоимости передаваемых ему в залог заводов, а также на то обстоятельство, что на момент заключения договора предприниматель фактически контролировал не только продавца, но и заемщика – ООО «Руссагропром». Отказывая в рассмотрении иска банка, основанного на кредитном договоре, к физическому лицу, суд жестко высказался в пользу соблюдения принципа частного характера договора, который не может быть поколеблен институтом снятия корпоративной вуали.

Таким образом, английские суды отказались от признания ответственным за неисполнение или ненадлежащее исполнение договора третье лицо ввиду превалирования формально закрепленного принципа «privity of contract».

Подводя итог анализу практики снятия корпоративной вуали в целом в странах общего права, можно сделать вывод о том, что ключевой недостаток правового регулирования в данных правовых системах во многом состоит, как уже было ранее сказано, в известной размытости норм и неопределенности правил применения тех или иных концепций снятия корпоративного покрова.

Следует также отметить, что американские суды гораздо более склонны применять данную доктрину, чем суды Англии, отличающиеся, в свою очередь, большей степенью формализма. В том числе американские суды применяют эту доктрину и в отношении договорных обязательств, от чего принципиально отказываются английские суды, высказывающиеся в пользу неукоснительного соблюдения принципа частного характера договора, который, по их мнению, не может быть преодолен в конкретной ситуации необходимостью снятия корпоративной вуали.

В целом же суды и Англии, и США применяют снятие корпоративного покрова по аналогичным основаниям. Как следует из вышеизложенного, этими основаниями являются доминирование в совокупности с обманом или правонарушением.

§ 3 Особенности снятия корпоративной вуали в Германии

Законодательство Германии, как и в уже рассмотренных ранее странах, знает такие формы организаций с ограниченной ответственностью их участников, как акционерное общество (aktiengesellschaft) и общество с ограниченной ответственностью (gesellschaft mit beschränkter haftung).

При этом немецкое законодательство предусматривает определенные ситуации, в которых участники обществ могут быть лишены привилегии ограниченной ответственности. В частности, Закон об акционерных обществах⁷² устанавливает ответственность участников при объединении обществ в группы (konzern), в которых одно общество контролируется другим на основании договора или в отсутствие такового. В зависимости от этого выделяют договорную группу и группу де-факто.

В договорной группе согласно положениям закона доминирующее лицо (herrschende unternehmen) обязано ежегодно компенсировать подчиненному (abhängige gesellschaft) понесенные последним убытки⁷³. Что же касается группы де-факто, то доминирующее предприятие не вправе использовать свое влияние на подчиненное общество в целях принуждения к совершению невыгодной для него сделки либо должно выплатить ему соответствующую компенсацию⁷⁴. В противном случае подчиненное общество может потребовать возмещения убытков как от доминирующего предприятия, так и от его представителей, понудивших общество совершить невыгодную сделку⁷⁵.

В отличие от Закона об акционерных обществах Закон об обществах с ограниченной ответственностью⁷⁶ не содержит в себе каких-либо положений о группах обществ. В связи с этим будет целесообразно обратиться к судебной практике.

Аналогом англо-американской доктрины снятия корпоративной вуали в

⁷²См.: Aktiengesetz vom 6. September 1965 (BGBl. I S. 1089), das zuletzt durch Artikel 3 des Gesetzes vom 20. Dezember 2012 (BGBl. I S. 2751) geändert worden ist (далее - AktG).

⁷³См.: AktG § 302.

⁷⁴См.: AktG § 311.

⁷⁵Будылин С.Л., Иванец Ю.Л. Указ. соч. С. 99.

⁷⁶См.: Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung in der im Bundesgesetzblatt Teil III, Gliederungsnummer 4123-1, veröffentlichten bereinigten Fassung, das zuletzt durch Artikel 2 Absatz 51 des Gesetzes vom 22. Dezember 2011 (BGBl. I S. 3044) geändert worden ist.

Германии выступает концепция «пронизывающей ответственности». Между тем говорить о существовании в одной из основных стран континентальной Европы самостоятельной доктрины снятия корпоративного покрова в том же понимании, что и в Великобритании или США, несомненно, было бы значительным преувеличением.

Названная концепция пронизывающей ответственности предполагает пренебрежение признаком самостоятельной ответственности юридического лица по своим долгам с последующим ее возложением на соответствующего участника.

Исходя из позиций, сформированных в немецкой судебной практике, такая пронизывающая ответственность возможна в случае, если:

- общество не обеспечено достаточным капиталом;
- общество полностью зависит от своих участников;
- имеет место смешение частного имущества участника с имуществом самого общества.

Рассматривая более подробно признак недостаточной капитализации (*unterkapitalisierung*), при которой юридическое лицо недостаточно обеспечено собственным капиталом для целей осуществляемой им деятельности, следует отметить, что необходимо различать номинальную и материальную недостаточную капитализацию.

Номинальная недостаточная капитализация представляет собой привлечение чужого капитала (заем у участников общества) вместо осуществления взносов в уставный капитал. При этом в случаях, когда в результате такой недокапитализации общество оказывается на грани банкротства, суды используют Положение ФРГ о несостоятельности, согласно которому среди требований кредиторов, очередность удовлетворения которых изначально понижена, требования о возврате займов, предоставленных участниками, подлежат удовлетворению только в пятую подочередь, что исключает необходимость применения пронизывающей ответственности.

Изначально в основу такого ограничения прав участников общества в

Германии была положена идея об их ответственности за последствия недофинансирования юридического лица, когда участник в момент кризисной ситуации не принял меры к выводу общества с рынка и не вложил собственные средства, а профинансировал его за счет чужого капитала, поставив под угрозу интересы кредиторов. Однако впоследствии немецкий закон стал связывать подобную ответственность участника уже не с «кризисом общества», рассматривая понижение требований участника в очередности их удовлетворения как плату за возможность пользоваться привилегией ограниченной ответственности по обязательствам общества⁷⁷.

Материальная недостаточная капитализация имеет место в ситуации, при которой учредитель (участник) не обеспечил общество достаточными для осуществления им своей деятельности средствами, так что даже при обычном ведении дел возникает повышенный риск банкротства. При этом отсутствие такой достаточной капитализации общества не всегда приводит к возложению ответственности на его участника. Иное бы противоречило законодательно установленному правилу о минимальном размере основного капитала для обществ с ограниченной ответственностью.

Участник может быть подвергнут личной ответственности по долгам общества лишь тогда, когда наряду с недостаточной капитализацией имеет место недобросовестное и неразумное использование им конструкции юридического лица. В случае же когда специальной целью участника при недокапитализации общества было причинение вреда имущественным интересам контрагентов, речь идет уже не о пронизывающей ответственности как дополнительной гарантии кредиторов, а о деликтной ответственности такого участника, использовавшего при совершении нарушения особенности общества, основанного на объединении капиталов⁷⁸.

Тесно связанной с пронизывающей ответственностью при недостаточной капитализации общества, но не относящейся к ней, является ответственность за

⁷⁷Егоров А.В., Усачева К.А. Доктрина «снятия корпоративного покрова» как инструмент распределения рисков между участниками корпорации и иными субъектами оборота. С. 22.

⁷⁸Там же. С. 24.

вмешательство, лишаящее юридическое лицо его основного капитала, или так называемая ответственность за подрыв жизнеспособности общества (*existenzvernichtungshaftung*), которая имеет место в случаях, когда участник распорядился имуществом юридического лица таким образом, который не предполагает какого-либо разумного учета собственных интересов этого юридического лица, связанных с возможностью исполнять принятые им на себя обязательства и дальнейшим существованием в качестве самостоятельного и независимого субъекта. По мнению Верховного суда ФРГ, речь в данном случае идет о ведущем к банкротству юридического лица злоупотреблении, посягающем на имущество общества, приоритетной целью использования которого является удовлетворение имущественных требований кредиторов.

Такая ответственность определяется именно как внутренняя ответственность по отношению к потерпевшему – обществу, но не как ответственность перед его кредиторами.

При этом данная концепция появилась в Германии лишь в начале 2000-х годов и заменила собой сложившуюся судебную практику конца прошлого века, основанную на понятии «специальная группа де-факто», в которой доминирующее лицо оказывает всеохватывающее и длительное влияние на подчиненное общество с ограниченной ответственностью, а также применении по аналогии к таким обществам положений закона об акционерных обществах относительно компенсации доминирующим предприятием убытков подчиненному ему обществу. В соответствии с данным подходом Верховный суд Германии признавал лицо, контролирующее общество с ограниченной ответственностью, ответственным за убытки такого общества.

Концепция ответственности за разрушительное вмешательство получила свое выражение в деле *Bremer Vulkan*⁷⁹, суть которого заключалась в том, что общество с ограниченной ответственностью, входящее в группу, возглавляемую акционерным обществом *Bremer Vulkan*, получило от государства денежные средства на развитие восточных земель в Германии. Однако выделенное

⁷⁹ Верховный Суд Германии. BGH, 17.09.2001 - II ZR 178/99, BGHZ 149, 10 («Bremer Vulkan»).

финансирование было распределено между другими компаниями, состоящими в группе, и в дальнейшем не было возвращено обществу, оказавшемуся в результате этого неплатежеспособным и впоследствии вынужденному выделиться из указанной группы, при одновременно банкротстве акционерного общества. Государственное ведомство обратилось в суд с иском к директорам акционерного общества о возмещении причиненного ущерба.

Верховный суд, рассматривая данное дело, указал на новый подход к ответственности контролирующего участника и защите прав пострадавшего кредитора, в силу которого контролирующее лицо может быть принуждено возместить причиненный его действиями ущерб, который общество понесло из-за разрушительного вмешательства.

Свое дальнейшее развитие указанная концепция получила в деле KBV⁸⁰, также рассмотренном Верховным судом ФРГ. В соответствии с обстоятельствами данного дела истец заключил с обществом с ограниченной ответственностью KBV договор об оказании последнему услуг. Поскольку оказанные услуги не были оплачены, а значительная часть активов общества была переведена от имени общества одним из двух его участников при согласии второго, являющегося управляющим директором данного общества, на третье лицо, в результате чего расплачиваться с истцом обществу оказалось нечем, истец обратился в суд с иском одновременно к обоим участникам данного общества. Суд удовлетворил заявленные требования, указав на принципиальную возможность привлечения участников общества к личной ответственности по долгам общества вследствие его разрушения посредством выведения активов.

На сегодняшний день концепция ответственности за разрушительное вмешательство переосмыслена. В соответствии с новым подходом разрушительное вмешательство является лишь разновидностью деликта, в связи с чем иск о возложении ответственности за такое вмешательство может быть предъявлен только одновременно с иском о возврате средств в капитал

⁸⁰Верховный Суд Германии. BGH, 24.06.2002 - II ZR 300/00, BGHZ 151, 181 («KBV»).

общества. При этом основным отличием такого подхода является то, что кредитор больше не может предъявить иск непосредственно участнику, ответственному за разрушительное вмешательство. Сначала ему необходимо добиться удовлетворения иска к обществу, после чего он сможет потребовать обращения взыскания на имущество участника общества⁸¹.

Переходя к рассмотрению следующего критерия, необходимого для применения пронизывающей ответственности, - наличия отношений зависимости и контроля (*abhängigkeits-und konzernverhältnisse*), следует отметить, что сам факт того, что какое-либо лицо контролирует общество, очевидно еще не позволяет распространить ответственность последнего на контролирующее его лицо. Как справедливо полагает Верховный суд ФРГ, что поддерживается и в немецкоязычной литературе, сам по себе контроль одного юридического лица над другим, к примеру, в рамках существования концерна еще не затрагивает его самостоятельности и не угрожает интересам кредиторов.

Ответственность контролирующего общества может обсуждаться лишь, когда оно игнорирует самостоятельные потребности и интересы подконтрольного ему зависимого лица.

Что касается последнего основания – смешения имущества общества и иного имущества участника, то в данном случае имеется в виду такое смешение, при котором отсутствует его разделение, а, следовательно, правило об ограничении ответственности общества принадлежащим ему имуществом, может не применяться.

Как отмечается в литературе, для того чтобы смешение имущества стало основанием для применения пронизывающей ответственности, необходимо, чтобы самих субъектов права в результате такого смешения имущественных сфер невозможно было отделить друг от друга доступным и очевидным образом.

При этом личная ответственность по долгам общества может иметь место лишь в отношении тех участников, чьи действия повлекли или способствовали

⁸¹Будылин С.Л., Иванец Ю.Л. Указ. соч. С. 104.

смешению имущества. Иначе говоря, предполагается, что участник знал или должен был знать об обстоятельствах, вызвавших смешение имущества, и что именно он в силу своего поведения ответственен за подобное смешение.

В то же время помимо смешения имущественных сфер общества и его участника в литературе обсуждается также возможность использования доктрины пронизывающей ответственности в случае смешения и иных сфер деятельности названных лиц (*sphärenvermischung*), когда не проводится достаточно четкого разграничения сфер общества и участника с организационной точки зрения, например, при занятии одним и тем же бизнесом, наличии схожего наименования, а также общих помещений или работающего персонала.

Однако подобные случаи организационного смешения сфер могут подпадать не только под основания для пронизывающей ответственности, но также обсуждаться в контексте вопроса ответственности за так называемую созданную видимость права (*rechtsscheinhaftung*). По той причине, что участники общества не разграничили необходимым образом сферы своей деятельности, и в первую очередь, не обеспечили надлежащее разделение имущества, чем создали для третьих лиц видимость того, что имущественная база, за счет которой в случае предъявления требований кредиторов будет производиться удовлетворение, - иная, то они подлежат ответственности за собственные действия.

В целом в литературе отмечается, что судебная практика Германии в последнее время демонстрирует постепенно возрастающее нежелание применять снятие корпоративной вуали, предпочитая вместо этого применение уже существующих норм действующего законодательства.

А.В. Егоров и К.А. Усачева отмечают, что «игнорирование юридической личности понимается в целом как исключение и обсуждается применительно к схожим ситуациям, однако степень исключительности пренебрежения самостоятельностью юридического лица в разных правовых порядках неодинакова. Принято считать, что в немецком праве игнорирование автономии происходит

гораздо реже, чем в праве англо-американском»⁸².

Подводя итог вышесказанному следует отметить, что игнорирование идеи автономии юридической личности в практике немецких судов показывает, что здесь нет места для самостоятельного института снятия корпоративной вуали. В тех ситуациях, когда английские и американские юристы рассуждают о снятии корпоративной вуали, немецкие напротив, используют иные более традиционные для их права конструкции: деликтное право, доктрину злоупотребления или видимости права и др.

На мой взгляд, данное различие непосредственно связано с общими подходами стран к формированию корпоративного права, в том числе и с тем, предусмотрены ли в их законодательстве гарантии, позволяющие установить адекватное распределение рисков между учредителями (участниками) юридического лица и другими участниками гражданского оборота. В частности, речь идет о требованиях к уставному капиталу, связанных не только с его минимальным размером, но и направленных на ограничение случаев уменьшения имущества юридического лица, а также о предварительной проверке юридических лиц на момент их создания.

В зависимости от этого в рассмотренных ранее странах формируется не только соответствующее отношение к такому существенному признаку юридического лица, как ограниченная ответственность, но и вырабатываются способы борьбы со злоупотреблениями данным принципом.

Так, поскольку в немецком праве установлены более строгие требования в отношении обеспечения капиталом создаваемого юридического лица в целях защиты интересов его кредиторов, в отличие от американского права, вопрос о распространении ответственности по долгам такого юридического лица на его участников в принципе не может возникнуть за некоторыми исключениями, когда восстановление справедливости может быть достигнуто посредством уже имеющихся в законодательстве конструкций, в связи с чем отсутствует реальная

⁸² Егоров А.В., Усачева К.А. Доктрина «снятия корпоративного покрова» как инструмент распределения рисков между участниками корпорации и иными субъектами оборота. С. 55.

необходимость в разработке специальной концепции снятия корпоративной вуали.

Таким образом, сбалансированное конечное решение проблемы встречается и в немецком, и в общем праве - просто баланс устанавливается с помощью различных способов. В этом смысле представляется, что немецкий правопорядок, изначально пресекающий дальнейшую возможность злоупотребления ограниченной ответственностью, небезосновательно предоставляет гораздо более безопасные условия для вступления участников в гражданские правоотношения.

Глава 3 Практика применения института снятия корпоративной вуали в Российской Федерации

§ 1 Законодательные тенденции в Российской Федерации в области снятия корпоративной вуали

В российском законодательстве нормы, регламентирующие гражданскую ответственность руководителя за убытки, причиненные его виновными действиями юридическому лицу, содержатся в целом ряде правовых актов. Правила, устанавливающие гражданскую ответственность членов коллегиальных исполнительных органов перед юридическим лицом, предусмотрены законами о хозяйственных обществах.

Законодательство Российской Федерации, в частности Гражданский кодекс РФ (далее – ГК РФ) и Федеральные законы от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее – Закон № 208-ФЗ), от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – Закон № 14-ФЗ) и от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»⁸³ (далее – Закон № 127-ФЗ), также предусматривают некоторые случаи, когда участники юридического лица лишаются принадлежащей им привилегии ограниченной ответственности.

Во-первых, согласно положениям ст. 67.3 ГК РФ основное общество, которое имеет право давать дочернему обязательные для него указания, солидарно отвечает с дочерним обществом по сделкам, заключенным последним во исполнение таких указаний. Аналогичное правило закреплено также в ст. 6 Закона № 14-ФЗ и в ст. 6 Закона 208-ФЗ. При этом следует сделать оговорку о том, что в отношении акционерных обществ указанное право давать обязательные указания должно быть предусмотрено в договоре или уставе дочернего общества. В противном случае основное общество не может быть признано имеющим право давать соответствующие указания дочернему.

Данное положение во многом критикуется не только ввиду необоснованного установления различного регулирования в отношении акционерных обществ и обществ с ограниченной ответственностью, но также и по причине изначальной невозможности его практической реализации, поскольку формальное толкование судами данной нормы в отсутствие доказательств наличия права у основного общества давать обязательные указания дочернему приводит, как правило, к отказу в удовлетворении заявленных требований. Таким образом, даже стопроцентное участие в

⁸³Гражданский кодекс РФ (часть первая) [Электронный ресурс] : федер. закон от 30 нояб. 1994 г. №51-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301. (в ред. от 31.01.2016) ; Об акционерных обществах [Электронный ресурс] : федер. закон. от 26 дек. 1995 г. №208-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 1. – Ст. 1. – (с изм. и доп. на 29.06.2015) ; Об обществах с ограниченной ответственностью [Электронный ресурс] : федер. закон от 8 фев. 1998 г. №14-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1998. – № 7. – Ст. 785. – (с изм. и доп. на 29.12.2015) ; О несостоятельности (банкротстве) [Электронный ресурс] : федер. закон от 26 окт. 2002 г. №127-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2002. – № 43. – Ст. 4190. – (с изм. и доп. на 29.12.2015). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

уставном капитале дочернего общества не гарантирует привлечение основного общества к солидарной ответственности по сделкам, заключенным дочерним обществом во исполнение данных ему указаний единственного акционера, если право давать такие указания не предусмотрено ни договором, ни уставом, что является, на мой взгляд, в определенном смысле парадоксальным выводом.

Так, в большинстве случаев суды, отказывая в удовлетворении иска о привлечении основного общества к солидарной ответственности по сделкам дочернего, указывают на недоказанность истцом наличия у ответчика права давать обязательные указания для дочернего общества или совершения сделки во исполнение данных указаний.

Также в литературе, в частности А.В. Егоровым и К.А. Усачевой⁸⁴, высказываются определенные сомнения относительно признания солидарной ответственности основного общества по сделкам, заключенным по его указанию дочерним обществом, в качестве частного случая реализации доктрины снятия корпоративной вуали в связи с тем, что конструкция солидарной ответственности позволяет кредиторам при неисполнении обязательства дочерним обществом обратиться с соответствующим требованием сначала как к дочернему, а затем основному обществу, так и сразу к основному, тогда как идея и цель механизма снятия корпоративной вуали состоят в его использовании лишь в ситуации, когда требование к юридическому лицу, признаваемому простым фасадом, не может быть удовлетворено никаким иным образом и иные средств, кроме как игнорирование юридической оболочки, для достижения справедливого результата отсутствуют, в силу чего требуется применение специальных инструментов.

Во-вторых, в соответствии со ст. 3 Закона № 14-ФЗ и ст. 3 Закона № 208-ФЗ если несостоятельность (банкротство) общества вызвана действиями (бездействием) его участников (акционеров) или других лиц, которые имеют

⁸⁴ Егоров А.В., Усачева К.А. Доктрина «снятия корпоративного покрова» как инструмент распределения рисков между участниками корпорации и иными субъектами оборота. С. 35.

право давать обязательные для общества указания либо иным образом имеют возможность определять его действия, то на указанных участников (акционеров) или других лиц в случае недостаточности имущества общества может быть возложена субсидиарная ответственность по его обязательствам.

Частный случай такой субсидиарной ответственности установлен в уже упомянутых ст. 67.3 ГК РФ, ст. 6 Закона № 14-ФЗ и ст. 6 Закона № 208-ФЗ, в силу которых при несостоятельности (банкротства) дочернего общества по вине основного общества последнее несет при недостаточности имущества дочернего субсидиарную ответственность по его долгам, а участники дочернего общества вправе требовать возмещения основным обществом убытков, причиненных по его вине действиями или бездействием основного общества дочернему.

Решение вопроса о применении мер субсидиарной ответственности в порядке, предусмотренном названными положениями законодательства, также встречает определенные трудности. По моему мнению, основная сложность связана с доказыванием вины основного общества или иных лиц, имеющих право давать обязательные указания либо иным образом имеющих возможность определять действия юридического лица – банкрота. В отношении акционерных обществ форма вины в действительности и вовсе сведена к прямому умыслу. В соответствии со ст. 3 и 6 Закона № 208-ФЗ несостоятельность общества считается вызванной действиями (бездействием) его акционеров или других лиц, в том числе по вине основного общества, которые имеют право давать обязательные для общества указания либо иным образом имеют возможность определять его действия, только в случае, если они использовали указанные право или возможность в целях совершения обществом действия, заведомо зная, что вследствие этого наступит несостоятельность данного общества.

Законодательством о банкротстве также предусматриваются некоторые случаи привлечения к субсидиарной ответственности по обязательствам должника его руководителей или контролирующих должника лиц.

Так, согласно п. 4 ст. 10 Закона № 127-ФЗ, если должник признан несостоятельным (банкротом) вследствие действий и (или) бездействия контролирующих должника лиц, такие лица в случае недостаточности имущества должника несут субсидиарную ответственность по его обязательствам. При этом контролирующее должника лицо, вследствие действий и (или) бездействия которого должник признан несостоятельным (банкротом), не несет субсидиарной ответственности, если докажет, что его вина в признании должника несостоятельным (банкротом) отсутствует.

Данное положение в части установления субсидиарной ответственности контролирующего лица также вызывает немало вопросов в доктрине. В данном случае, как справедливо отмечают А.В. Егоров и К.А. Усачева в своей научной публикации⁸⁵, прямая деликтная ответственность является лучшей альтернативой субсидиарной ответственности, которая установлена в Законе № 127-ФЗ, и на это есть ряд причин.

Контролирующее лицо, причинив убытки вследствие своего недобросовестного или неразумного поведения, совершает деликт и должно отвечать в рамках генерального деликта, установленного ст. 1064 ГК РФ. В такой ситуации, когда контролирующее лицо причиняет юридическому лицу убытки, выставляя себя третьим лицом, формально не участвующим в отношении с потерпевшим юридическим лицом, данное третье лицо (контролирующее лицо) причиняет вред имущественным правам кредитора в обязательстве. Чтобы наказать виновных лиц, деяниями которых юридическое лицо было доведено до банкротства, либо настолько усугубило его имущественное положение, что привело к банкротству, необходимо использовать конструкцию деликтной ответственности, которая возникает из самостоятельного основания.

В данном случае А.В. Егоров и К.А. Усачева отмечают, что «контролирующее лицо отвечает именно в силу того, что в результате его

⁸⁵ Егоров А.В., Усачева К.А. Субсидиарная ответственность за доведение до банкротства — неудачный эквивалент западной доктрины снятия корпоративного покрова // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2013. № 12. С. 45.

поведения (совершенного им деликта) должник стал неплатежеспособным и не может удовлетворить требования кредиторов»⁸⁶. Следовательно, контролирующее лицо несет ответственность перед юридическим лицом именно за свои действия, а не за действия должника. При этом чтобы привлечь к ответственности контролирующее лицо, чьи действия непосредственно причинили убытки юридическому лицу в виде его последующего банкротства, необходимо использовать конструкцию деликтной ответственности. Напротив, использование конструкции «субсидиарной ответственности» лишь разрушает эту логическую структуру и приводит к несправедливым выводам относительно размера ущерба, необходимого к возмещению. Иначе говоря, применение механизма данной ответственности не позволяет получить действительную оценку того вреда, которое реально причинило виновное лицо.

При более пристальном рассмотрении высказанного упомянутыми авторами критического подхода нельзя не проследить параллель с немецкой концепцией разрушительного вмешательства, которая на данный момент стала восприниматься как разновидность деликта.

Согласно положениям п. 4 ст. 10 Закона № 127-ФЗ размер субсидиарной ответственности контролирующего должника лица равен совокупному размеру требований кредиторов, включенных в реестр требований кредиторов, а также заявленных после закрытия реестра требований кредиторов и требований кредиторов по текущим платежам, оставшихся не погашенными по причине недостаточности имущества должника.

Необходимо также отметить, что ранее – до 2009 года действовали положения п. 5 ст. 129 Закона № 127-ФЗ, в соответствии с которыми размер ответственности лиц, привлекаемых к субсидиарной ответственности, определялся, исходя из разницы между размером требований кредиторов, включенных в реестр требований кредиторов, и денежными средствами, вырученными от продажи имущества должника или замещения активов организации - должника.

⁸⁶ Там же. С. 50.

Для деликтного права упомянутый выше ограничитель не действует и является во многом неоправданным и сугубо формалистским, поскольку размер вреда, причиненного тем, что должник вследствие действий контролирующего его лица стал банкротом, не сводится только лишь к имеющимся неудовлетворенным требованиям к должнику.

Несмотря на то, что конструкция субсидиарной ответственности более проста в применении, чем подход деликтного права, на практике ее использование не всегда приводит к справедливому результату, что довольно легко проиллюстрировать следующим примером. Размер пассивов должника, превышающий размер активов, равен 100. Контролирующее лицо причиняет должнику убытки, находящемуся фактически в состоянии неплатежеспособности, выводя его активы, в размере 30. Таким образом, контролирующее лицо причинило вред лишь на 30, однако к ответственности его привлекут на 130. Использование же деликтной ответственности присуждало бы виновное лицо к уплате 30. Возможны и обратные ситуации.

Задачу сгладить подобные несправедливые последствия выполняет абз. 9 п. 4 ст. 10 Закона № 127-ФЗ, который предусматривает, что размер ответственности контролирующего должника лица подлежит соответствующему уменьшению, если им будет доказано, что размер вреда, причиненного имущественным правам кредиторов по вине этого лица, существенно меньше размера требований, подлежащих удовлетворению за счет этого лица. Вместе с тем представляется, что заведомое усложнение данной конструкции при наличии возможности использования деликтной ответственности бессмысленно.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что субсидиарная ответственность контролирующих лиц при банкротстве в российском праве является примером точечного применения доктрины снятия корпоративной вуали и в целом преследует ту же цель, что и названная доктрина в англо-американской практике, а именно – защиту от злоупотреблений правилом об ограниченной ответственности участников по долгам юридического лица.

Анализируя применение установленных законодателем положений, следует также указать, что привлечение основного общества к солидарной ответственности по сделкам, совершенным дочерним обществом во исполнение указаний основного общества или же применение мер субсидиарной ответственности в случаях, предусмотренных ст. 67.3 ГК РФ, – в целом большая редкость в судебной практике. Сложности по большей части связаны с процессом доказывания наличия достаточных оснований для возложения названных видов гражданско-правовой ответственности.

Так, Д.В. Ломакин отмечает, что неопределенность возникает уже на стадии выявления наличия экономико-правовой связи «основное общество - дочернее» в силу размытости содержания соответствующих критериев, приведенных в действующей на данный момент ст. 67.3 ГК РФ, согласно которой хозяйственное общество признается дочерним, если другое (основное) общество в силу преобладающего участия в его уставном капитале, либо в соответствии с заключенным между ними договором, либо иным образом имеет возможность определять решения, принимаемые таким обществом⁸⁷.

В литературе главным образом критикуется последнее основание, в соответствии с которым статусы основного и дочернего обществ могут породить и иные обстоятельства, перечень которых открыт, главное, чтобы они предоставляли возможность одному обществу определять решения, принимаемые другим обществом. Такой подход законодателя, с моей точки зрения, предоставляет неоправданно широкие возможности для толкования изложенных норм и закономерно порождает неопределенность в судебной практике.

Напротив, более широкое и успешное применение получили нормы о субсидиарной ответственности контролирующих обанкротившегося должника лиц, закрепленные в ст. 10 Закона № 127-ФЗ, в силу которой предполагается, пока не доказано обратное, что должник признан несостоятельным вследствие

⁸⁷ Ломакин Д.В. Указ. соч. С. 20.

действий или бездействия контролирующих его лиц при наличии одного из следующих обстоятельств:

- причинен вред имущественным правам кредиторов в результате совершения этим лицом или в пользу этого лица либо одобрения этим лицом одной или нескольких сделок должника;

- документы бухгалтерского учета или отчетности к моменту вынесения определения о введении наблюдения или принятия решения о признании должника банкротом отсутствуют или не содержат информацию об объектах, предусмотренных законодательством, формирование которой является обязательным, либо указанная информация искажена, в результате чего существенно затруднено проведение процедур, применяемых в деле о банкротстве, в том числе формирование и реализация конкурсной массы.

§ 2 Практика российских судов в области снятия корпоративной вуали

Рассмотрение российской практики снятия корпоративной вуали следует начать с частных случаев, описанных ранее и связанных с привлечением к субсидиарной ответственности контролирующего должника лица.

Так, в постановлении от 16.02.2016 по делу № А56-7049/2012⁸⁸ Арбитражный суд Северо-Западного округа оставил без изменения определение и постановление судов первой и апелляционной инстанций, которыми удовлетворено заявление конкурсного управляющего о привлечении к субсидиарной ответственности по долгам признанного банкротом общества его бывшего руководителя, одновременно контролирующего должника в связи с наличием у него статуса акционера и владеющего более чем 50% голосующих акций.

Судами установлено, что ответчик при наличии непогашенной задолженности перед ОАО «Западно-Сибирский металлургический комбинат» предоставил себе от имени должника по договорам процентные займы в

⁸⁸ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 16.02.2016 по делу № А56-7049/2012 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

размере 6 млн. руб., денежные средства по которым возвращены лишь частично; ответчиком от имени должника заключено пять договоров поручительства за ЗАО «Автотранспортное предприятие – 100» перед ООО «Автолизинг», в связи с чем в дальнейшем с должника, как поручителя по указанным договорам, взыскано в пользу названного кредитора 32,8 млн. руб. задолженности, что явилось основанием для обращения с заявлением о признании должника несостоятельным (банкротом) и возбуждении производства по настоящему делу, а также совершены сделки по отчуждению имущества, принадлежащего должнику, на общую сумму 24,7 млн. руб., денежные средства по которым на счет должника не поступали, а возможность принудительного взыскания дебиторской задолженности утрачена в связи с ликвидацией покупателей.

Учитывая изложенное, суд кассационной инстанции пришел к обоснованному выводу о том, что поскольку руководитель общества, владея указанным пакетом акций, имел возможность определять действия должника, в том числе располагал решающим количеством голосов для избрания единоличного исполнительного органа общества, в результате чего являлся его руководителем, принимал решения и совершал действия, которые привели к банкротству общества, недостаточности его имущества для удовлетворения требований кредиторов, имущественным правам которых причинен вред в результате указанных действий, в том числе вследствие совершения сделок, убыточных для общества и его кредиторов, суды обоснованно со ссылкой на п. 22 совместного Постановления Пленумов ВС РФ и ВАС РФ от 01.07.1996 № 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»⁸⁹ привлекли к субсидиарной ответственности по обязательствам общества его руководителя.

По обстоятельствам другого дела № А56-36516/2014 «конкурсный управляющий обратился в арбитражный суд с заявлением о взыскании с

⁸⁹ Постановления Пленумов Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ от 01.07.1996 № 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

бывшего руководителя Общества М.М. Ибрагимова 273 тыс. руб. в порядке привлечения к субсидиарной ответственности по обязательствам должника, в обоснование которого сослался на то, что согласно представленному в налоговый орган бухгалтерскому балансу Общества по состоянию на 2012 год, содержащему искаженные сведения, балансовая стоимость активов составляла 11,7 млн. руб., из которых 11,5 млн. руб. - дебиторская задолженность, однако среди документов, направленных М.М. Ибрагимовым в адрес конкурсного управляющего, документов об имуществе должника, в том числе относящихся к дебиторской задолженности, не имелось, в связи с чем сформировать конкурсную массу не представилось возможным.

Поскольку М.М. Ибрагимов не представил доказательств, подтверждающих надлежащее исполнение им обязанностей по ведению бухгалтерского учета и отчетности Общества и хранению соответствующих документов, суд первой инстанции пришел к выводу о наличии оснований для привлечения его к субсидиарной ответственности по обязательствам должника

Не согласившись с указанным выводом, апелляционный суд постановлением от 22.12.2015 отменил указанное определение и отказал в удовлетворении заявления, посчитав, что в соответствии с действующей редакцией п. 4 ст. 10 Закона № 127-ФЗ само по себе непредставление бывшим руководителем должника первичных документов бухгалтерского учета конкурсному управляющему при отсутствии доказательств причинно-следственной связи между его действиями и неплатежеспособностью должника не может быть положено в обоснование удовлетворения заявленных требований.

Между тем суд кассационной инстанции, отменяя названное постановление и оставляя в силе определение суда первой инстанции, верно указал, что отсутствие документов бухгалтерского учета и отчетности, обязанность по ведению и хранению которых установлена законодательством, к моменту принятия решения о признании должника банкротом является достаточным условием для применения закрепленной в названных положениях

Закона № 127-ФЗ презумпции: пока не доказано иное, предполагается, что должник признан несостоятельным (банкротом) вследствие действий и (или) бездействия контролирующих должника лиц при наличии одного из перечисленных в упомянутой статье обстоятельств - причинен вред имущественным правам кредиторов в результате совершения этим лицом сделок должника либо отсутствуют или не содержат необходимую информацию документы бухгалтерского учета, в результате чего существенно затруднено проведение процедур, применяемых в деле о банкротстве»⁹⁰.

Вместе с тем применение данной презумпции оказывается невозможным в случае отсутствия причинно-следственной связи в нижнем звене данной цепи условий привлечения к ответственности – между отсутствием бухгалтерской документации и затруднительностью проведения процедур банкротства, что ярко иллюстрирует дело № А56-80990/2013, в котором суд кассационной инстанции, отменяя судебные акты, принятые нижестоящими судами, и отказывая в удовлетворении заявления конкурсного управляющего о привлечении одного из бывших руководителей должника – Д.В. Шабалиной солидарно с другим руководителем – Д.В. Ващинкиным к субсидиарной ответственности в размере 73,7 млн. руб., указал следующее.

«Предусмотренная абз. 4 п. 4 ст. 10 Закона № 127-ФЗ ответственность является гражданско-правовой, при ее применении должны учитываться общие положения глав 25 и 59 ГК РФ об ответственности за нарушения обязательств и об обязательствах вследствие причинения вреда в части, не противоречащей специальным нормам Закона № 127-ФЗ, в связи с чем помимо объективной стороны правонарушения, связанной с установлением факта неисполнения обязательства по передаче документации либо отсутствия в ней соответствующей информации, необходимо также установить:

- вину субъекта исходя из того, приняло ли это лицо все меры для надлежащего исполнения обязательств по ведению и передаче документации

⁹⁰ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 03.03.2016 по делу № А56-36516/2014 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по характеру обязательства и условиям оборота (п. 1 ст. 401 ГК РФ);

- наличие причинно-следственной связи между отсутствием спорной документации или ее искажением, с одной стороны, и невозможностью формирования конкурсной массы и как результат – невозможностью удовлетворения требований кредиторов, с другой стороны.

При этом, как известно, в силу п. 2 ст. 401 и п. 2 ст. 1064 ГК РФ отсутствие вины должно доказываться лицом, привлекаемым к такой субсидиарной ответственности.

Вместе с тем суды первой и апелляционной инстанций, установив, что Д.В. Шабалиной надлежащим образом не исполнена обязанность по передаче временному и конкурсному управляющему Общества бухгалтерской и иной документации должника, не учли, что ответственность, предусмотренная абз. 4 п. 4 ст. 10 Закона № 127-ФЗ непосредственно направлена на защиту прав и законных интересов лиц, участвующих в деле о банкротстве, через реализацию возможности сформировать конкурсную массу должника.

Как верно указал Арбитражный суд Северо-Западного округа, само по себе непредставление бывшим руководителем должника первичных документов бухгалтерского учета арбитражному управляющему безотносительно к решению вопроса о том, повлекло ли такое непредставление документации невозможность формирования конкурсной массы, не может быть признано основанием для привлечения к ответственности.

Обосновывая указанные выводы, суд кассационной инстанции отметил, что требование единственного конкурсного кредитора в размере взыскиваемой с ответчиков суммы в 73,7 млн. руб. возникло вследствие неисполнения должником обязательств по договорам подряда в период, когда генеральными директорами Общества были Д.В. Ващинкин и впоследствии сменивший его Д.В. Егоров; при этом бухгалтерская документация Общества была передана Д.В. Ващинкиным Д.В. Егорову, однако с требованием к Д.В. Егорову о передаче данной документации конкурсный управляющий не обращался; в

материалах дела отсутствуют доказательства того, что непредставление в дальнейшем новым генеральным директором Общества – Д.В. Шабалиной документов о движении по счету должника на сумму менее 1 млн. руб. при наличии уже к тому моменту возникшей и признанной вступившим в законную силу решением суда первой инстанции по другому делу задолженности в размере 73,7 млн. руб. существенно затруднило формирование конкурсной массы должника, а также привело или могло привести к невозможности удовлетворения должником требований единственного кредитора на указанную выше сумму.

С учетом изложенного кассационная инстанция пришла к обоснованному выводу об отсутствии оснований для привлечения к субсидиарной ответственности бывшего руководителя должника – Д.В. Шабалиной»⁹¹.

По обстоятельствам другого дела № А56-42758/2011⁹² конкурсный управляющий общества обратился в арбитражный суд с заявлением о привлечении к субсидиарной ответственности учредителя должника - Комитета по управлению городским имуществом муниципального образования.

Суды первой и апелляционной инстанций, придя к выводу о том, что Комитет, зная о финансовом состоянии должника, его кредиторской задолженности, изъял участвующее в производственном процессе имущество, необходимое для деятельности общества, с передачей этого имущества иным юридическим лицам, что в свою очередь, привело к прекращению хозяйственной деятельности должника и его банкротству, привлекли Комитет к субсидиарной ответственности по обязательствам должника в сумме 16 млн. руб.

Комитет, обращаясь в суд с кассационной жалобой, утверждал, что, не имея на то полномочий, не принимал решения об участии общества в формировании уставных капиталов ООО «Кингисеппспецтранс» и ООО

91¹ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 23.12.2015 по делу № А56-80990/2013 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

92¹ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 15.05.2015 по делу № А56-42758/2011 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

«Комбинат благоустройства». По мнению Комитета, его распоряжение о согласии выступить учредителем во вновь образуемых указанных юридических лицах не является согласованием или одобрением сделки по передаче имущества должника в уставный капитал названных обществ.

В ходе рассмотрения дела судами установлено, что общество создано на основании решения Совета депутатов муниципального образования, его единственным акционером является Комитет.

Распоряжением Комитет согласовал передачу имущества должника в уставный капитал ООО «Кингисеппспецтранс» и ООО «Комбинат благоустройства» на общую сумму 16 млн. руб. Взамен передаваемого имущества должник получил доли в уставном капитале обществ.

Конкурсный управляющий общества, ссылаясь на то, что передача имущества должника сделала невозможным осуществление основной экономической деятельности общества, на неполучение обществом дивидендов от ООО «Кингисеппспецтранс» и ООО «Комбинат благоустройства», а также полагая, что указанные действия Комитета привели к невозможности формирования конкурсной массы и удовлетворению требований кредиторов, обратился в суд с настоящим заявлением.

Кассационная инстанция, изучив материалы дела, пришла к следующим выводам. Для привлечения Комитета к субсидиарной ответственности необходимо установление совокупности следующих условий: наличие у лица, привлекаемого к субсидиарной ответственности, права давать обязательные указания для должника либо возможности иным образом определять действия должника; совершение этим лицом действий, свидетельствующих об использовании такого права или возможности; наличие причинно-следственной связи между использованием этим лицом своих прав или возможностей в отношении должника и несостоятельностью (банкротством) последнего; недостаточность имущества должника для расчетов с кредиторами.

Судом кассационной инстанции установлено, что из текста Распоряжения следует, что Комитет только согласовал перечень имущества общества,

необходимого для включения в уставный капитал вновь образуемых обществ, тогда как данное согласование проводится исходя из решений, принятых советом директоров общества, и закрепленных в протоколе, который, в свою очередь, не был представлен в материалы дела.

Поскольку судами первой и апелляционной инстанции не установлено, какие конкретно распорядительные действия Комитета привели к банкротству общества, суд кассационной инстанции отменил судебные акты нижестоящих судебных инстанций и направил дело на новое рассмотрение, отметив, что судами также не указано, на основании каких имеющихся в деле доказательств сделан вывод о наличии причинно-следственной связи между передачей имущества общества в уставный капитал других юридических лиц и несостоятельностью (банкротством) общества, так как, участвуя в формировании уставных капиталов юридических лиц, общество должно было приобрести доли в этих уставных капиталах.

Также одним из наиболее громких дел, связанных с привлечением контролирующего лица к субсидиарной ответственности, стало дело № А60-1260/2009⁹³, в котором ВАС РФ, отказывая в передаче названного дела в Президиум, указал, что поскольку судом апелляционной инстанции, с выводами которого согласился суд кассационной инстанции, установлено, что:

- все лица, являвшиеся в разное время участниками ООО «УралСнабКомплект» - должника, так или иначе имели отношение к группе компаний «Макси» (холдингу) и лично к контролирующему лицу, являющемуся президентом ООО «Макси-Групп» и его единственным акционером, в частности бывшие участники должника одновременно занимали должности генеральных директоров или начальников отделов в обществах, относящихся согласно списку аффилированных лиц к числу лиц, к которым принадлежит ООО «Макси-Групп»; лица, выкупившие у первоначальных участников их доли участия в уставном капитале должника, - ЗАО «ПСП «Стройпроект-М» и ООО

⁹³ Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 29.04.2013 № ВАС-11134/12 по делу N А60-1260/2009 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

«ИК «Макси» также являются аффилированными с ООО «Макси-Групп» лицами; единственным акционером ООО «ИК «Макси», владеющим 40% акциями должника, является ООО «Лайт-Хаус», мажоритарным участником которого, в свою очередь, является привлекаемое к субсидиарной ответственности контролирующее должника лица (долей в размере 90% от уставного капитала), а вторым участником и одновременно его генеральным директором – генеральный директор ООО «УралСнабКомплект»;

- общее собрание участников ООО «УралСнабКомплект» функционировало лишь формально, сами лица, числившиеся участниками, юридически значимые действия своей воле и в своем интересе не совершали;

- фактический контроль над деятельностью ООО «УралСнабКомплект» осуществлял президент и единственный акционер ООО «Макси-Групп», который и определял действия органов управления должником через лиц, находящихся в зависимости от него;

- анализ ряда крупных сделок должника свидетельствует о том, что они совершались при отсутствии какого-либо разумного экономического обоснования, в ущерб интересам должника, повлекли за собой утрату ликвидных активов в виде денежных средств, банковских векселей, по сути, направлены на вывод активов в подконтрольные лично контролирующему их лицу организации, а именно между ООО «УралСнабКомплект» (новый кредитор) и ООО «Уральский завод прецизионных сплавов», а также ООО «Металлургический холдинг» (первоначальные кредиторы) заключены соглашения об уступке прав требований, согласно которым первоначальные кредиторы передают, а новый кредитор принимает права требования к ООО «СЦМ «Макси-Сочи» и ООО «Контур-М» на общую сумму в 1,9 млрд. руб., возникших на основании договоров займа и поставки. Впоследствии в отношении ООО «СЦМ «Макси-Сочи» введена процедура наблюдения, а ООО «Контур-М» признано несостоятельным (банкротом), в отношении его открыто конкурсное производство, в результате чего ООО «УралСнабКомплект» в связи с неисполнением указанными лицами обязательств по названным договорам

приобрело кредиторскую задолженность, а также у него возникла нереальная к взысканию дебиторская задолженность;

- использование контролирующим лицом своих возможностей в отношении должника, совершенные в связи с этим должником действиями находятся в причинно-следственной связи с несостоятельностью (банкротством);

- отсутствуют надлежащие доказательства наличия имущества, которое могло бы пополнить конкурсную массу и за счет которого могли бы быть удовлетворены требования кредиторов.

При этом для темы настоящей работы важным является также следующий вывод суда апелляционной инстанции, поддержанный судом кассационной инстанции: «Включение законодателем в ч. 4 ст. 10 Закона № 127-ФЗ терминов «иные лица», «иным образом определять» свидетельствует о распространении данной нормы не только на лиц, имеющих право определять действия должника в силу наличия на то формальных оснований (единоличный исполнительный орган, члены коллегиального исполнительного органа, участник общества и др.), но и на лиц, осуществляющих фактический контроль за деятельностью должника через формально контролирующих лиц».

Коллегия судей ВАС РФ, отказывая в передаче дела в Президиум, также нашла правильным указанный вывод суда апелляционной инстанции относительно того, что действующее законодательство не исключает возможность привлечения к субсидиарной ответственности фактически контролирующего должника лица, проводящего свою волю через иных подконтрольных фактическому руководителю физических и юридических лиц, которые в действительности не выступали в качестве самостоятельных субъектов гражданских правоотношений.

Таким образом, нельзя не отметить, что данная правовая конструкция напоминает возможность снятия корпоративной вуали в зарубежных странах и имеет своего рода основу и необходимость использования.

Кроме того, данное дело представляет также особый интерес в связи с тем, что исследовав материалы дела, суд также принял во внимание, что в нарушение положений действующего законодательства обязательный ежегодный аудит ведения бухгалтерского учета и финансовой (бухгалтерской) отчетности ООО «УралСнабКомплект» не осуществлялся, общее собрание участников общества годовые отчеты и годовые бухгалтерские балансы не утверждало, в связи с чем нельзя не вспомнить выработанный англо-американской практикой фактор контроля, одним из субфакторов которого, в свою очередь, является несоблюдение корпоративных формальностей и процедур.

Также одним из примеров использования упомянутых норм об обязанности основного общества возместить по иску участников дочернего общества причиненные последнему убытки является дело № А70-7811/2011⁹⁴, рассмотренное Арбитражным судом Тюменской области, по обстоятельствам которого британская компания «BP p.l.c.», являющаяся материнской компанией по отношению к компании «BP Russian Investments Limited» - акционеру компании «ТНК-BP Limited», и ОАО «Нефтяная компания «Роснефть» в нарушение соглашения акционеров относительно группы ТНК-BP, которое заключено между юридическими лицами, разделенными на три группы – Альфа, Аксесс-Ренова и BP, подписали ряд договоров в рамках стратегического партнерства по освоению нефтяных участков в Карском море.

Названным акционерным соглашением относительно ТНК-BP, заключенным указанными лицами с целью формирования деятельности группы ТНК-BP, как крупнейшей и наиболее прибыльной нефтегазовой компании, было прежде всего установлено, что группа ТНК-BP означает ТНК-BP и любое дочернее предприятие ТНК-BP на соответствующий момент времени, а группа BP означает компанию BP p.l.c., а также любое его аффилированное лицо.

⁹⁴Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 06.06.2012 по делу N А70-7811/2011 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

При этом в соответствии с указанным соглашением акционерный капитал «ТНК-ВР Limited» поделен между акционерами следующим образом: акционеры со стороны Альфа и Аксес-Реновы (группа ААР) имеют по 25% акций ТНК-ВР каждый, а акционер со стороны ВР (в том числе компания ВР Russian Investments Limited) – 50% акций. Никто из членов группы ВР или группы ААР не вправе конкурировать с кем-либо из членов группы ТНК-ВР в борьбе за новую относящуюся к бизнесу возможность.

Впоследствии главный управляющий директор группы ТНК-ВР, основным операционным и производственным членом которой является ОАО «ТНК-ВР Холдинг», разработал и представил совету директоров компании «ТНК-ВР Limited», осуществляющей в соответствии с соглашением акционеров корпоративный контроль над группой ТНК-ВР и в частности ОАО «ТНК-ВР Холдинг» через подконтрольные компании, предложение о замене в заключенных с ОАО «Нефтяная компания «Роснефть» соглашениях компании «ВР р.л.с.» на группу ТНК-ВР.

На внеочередном собрании совет директоров компании «ТНК-ВР Limited» отклонил предложение о такой замене, поскольку четыре директора от ВР проголосовали против одобрения данного предложения, требующего единогласного решения.

Акционер ОАО «ТНК-ВР Холдинг», полагая, что ответчики, руководствуясь исключительно собственными интересами как потенциальных конкурентов ОАО «ТНК-ВР Холдинг» и вопреки заключенному акционерному соглашению и интересам общества, а также его акционеров, заблокировали участие ОАО «ТНК-ВР Холдинг» в стратегическом партнерстве, добившись через директоров компании «ТНК-ВР Limited», назначенных ими и представляющих их интересы от группы ВР, отклонения советом директоров предложения о замене стороны в соглашениях с ОАО «Нефтяная компания «Роснефть», следовательно, имели возможность определять решения, принимаемые ОАО «ТНК-ВР Холдинг» относительно такого участия в партнерстве, обратился в суд с иском к компаниям «ВР р.л.с.» и «ВР Russian

Investments Limited» о взыскании убытков, понесенных ОАО «ТНК-ВР Холдинг» вследствие неучастия в упомянутых соглашениях о стратегическом партнерстве.

Суды первой и апелляционной инстанций, рассмотрев схему корпоративных отношений, установили, что ответчики не являются акционерами ОАО «ТНК-ВР Холдинг», привлеченного к участию в деле в качестве третьего лица, а потому не могут выступать основными обществами по отношению к нему в силу преобладающего участия в его уставном капитале.

В отношении же иных случаев признания общества основным суды сослались на отсутствие достаточных оснований полагать, что компания «ВР Russian Investments Limited» имела возможность определять решения, принимаемые ОАО «ТНК-ВР Холдинг».

Однако суд кассационной инстанции, не согласившись с принятыми судебными актами, установив несоответствие вывода судов о недоказанности наличия у компании «ВР Russian Investments Limited» возможности определять решения, принимаемые ОАО «ТНК-ВР Холдинг», представленным в материалы дела доказательствам, а также тот факт, что суды не дали оценки приведенным истцом доводам в обоснование заявленных требований, со ссылкой на позицию, выраженную в п. 31 совместного Постановления Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 01.07.1996 № 6/8, согласно которой взаимоотношения двух хозяйственных обществ могут рассматриваться как взаимоотношения основного и дочернего общества, в том числе и применительно к отдельной конкретной сделке, в случаях, когда основное общество имеет возможность определять решения, принимаемые дочерним обществом, либо давать обязательные для него указания, направил дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

При повторном рассмотрении дела суд первой инстанции, учтя данные ему кассационным судом указания, пришел к выводу о том, что компания «ВР р.л.с.», как материнская компания по отношению «ВР Russian Investments Limited», входящей в группу ВР, которая в свою очередь является акционером

компании «ТНК-ВР Limited», осуществляющей корпоративный контроль в отношении истца, опосредованно через указанную цепочку подконтрольных юридических лиц имело фактическую возможность с помощью назначаемых со стороны ВР четырех членов совета директоров влиять на решения принимаемые органами управления ОАО «ТНК-ВР Холдинг» (в данном случае – в виде блокирования принятия решения на совете директоров компании «ТНК-ВР Limited»).

При этом суд первой инстанции отметил, что ответчики не представили никаких доказательств того, что реализация стратегического партнерства при условии замены группы ВР на ОАО «ТНК-ВР Холдинг» была бы невыгодна или невозможна для ОАО «ТНК-ВР Холдинг», а также того, что истец не мог участвовать в партнерстве с ОАО «Нефтяная компания «Роснефть» ни при каких условиях, в связи с чем посчитал доказанным, что в результате голосования на заседании совета директоров компании «ТНК-ВР Limited» четырех директоров, назначаемых группой компаний ВР «против» замены стороны в партнерстве, ОАО «ТНК-ВР Холдинг» были причинены убытки в виде упущенной выгоды.

Впоследствии при обжаловании данного решения в суде апелляционной инстанции истец отказался от иска, в результате чего решение было отменено, а производство по делу прекращено.

Переходя к рассмотрению вопроса о снятии корпоративной вуали в российской судебной практике именно как судебной доктрины, следует отметить, что Президиум ВАС РФ⁹⁵ впервые применил эту доктрину в 2012 году в деле общества с ограниченной ответственностью «Олимпия» (далее – Общество) против Parex banka и Citadele banka. Суть спора состояла в следующем. Обанкротившийся латвийский банк Parex был реорганизован с образованием двух компаний Parex banka и Citadele banka, в результате чего к первой перешли в основном проблемные активы, а ко второй – ликвидные.

⁹⁵Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 24.04.2012 № 16404/11 по делу № А40-21127/11-98-184 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Один из кредиторов Parex banka – ООО «Олимпия», получив право требования по банковским депозитам на сумму свыше 621 млн. руб. и не надеясь получить надлежащее исполнение от Parex banka, решил привлечь к солидарной ответственности вторую компанию Citadele banka, мотивировав свои требования нарушением АО «Парекс банк» условий добросовестности ведения хозяйственной деятельности путем выделения ликвидных активов новообразованному АО «Цитадель банк» с оставлением, как уже было ранее сказано, дебиторской задолженности, в том числе – по депозитам, и низколиквидных активов в АО «Парекс банк».

Несмотря на то, что местонахождением обоих ответчиков является Латвия, ООО «Олимпия» со ссылкой на п. 1 ч. 1 ст. 247 АПК РФ обратилось с иском о расторжении заключенных между гражданином Латвии и АО «Парекс банк» договоров о приеме и обслуживании срочных депозитов, а также взыскании с АО «Парекс банк» солидарно с АО «Цитадель банк» 11 200 291 лат внесенных депозитов и начисленных процентов по депозитам, в российский арбитражный суд, указывая на то, что оба банка фактически осуществляли свою деятельность через представительства латвийских компаний Citadele Asset Management и Parex Asset Management, официально зарегистрированных на территории Российской Федерации в качестве филиалов иностранных юридических лиц. В обоснование заявленных требований Общество сослалось также на то, что на коммерческих документах, рекламной продукции и интернет-ресурсах российские адреса указанных представительств латвийских компаний выступали непосредственно как адреса представительств самих банков; в названных представительствах возможно было открывать счета и совершать другие банковские операции без участия головного офиса, расположенного в Риге. В качестве доказательства наличия у ответчиков имущества в России, ООО «Олимпия» указало, что здесь (в Москве и Санкт-Петербурге) у них имеются права требования к российским клиентам, не исполнившим свои обязательства.

Таким образом, по мнению Общества, у российских потребителей банковских услуг сформировалось представление о том, что расположенные в России представительства, формально не являющиеся надлежащими представительствами банков, адрес которых был указан на официальных сайтах банков среди прочих представительств банков в иностранных государствах, являются официальными и уполномоченными представительствами ответчиков в Российской Федерации⁹⁶.

Суды первой и апелляционной инстанций, установив, что на территории России от имени АО «Парекс банк» и АО «Цитадель банк» действует финансовый агент, являющийся самостоятельным юридическим лицом, доказательств наличия разрешений Банка России на открытие представительств ответчиков в материалы дела не представлено, а имеющееся у ответчиков имущество, находящееся на данной территории, не является предметом спора, по ходатайству ответчиков прекратили производство по делу в связи с тем, что исковые требования юридически не связаны с территорией Российской Федерации.

Однако суд кассационной инстанции, посчитав выводы судов нижестоящих инстанций неверными, направил дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Отменяя названное постановление кассационного суда и оставляя в силе судебные акты судов первой и апелляционной инстанций, Президиум ВАС РФ в своем постановлении по данному делу указал, что несмотря на то, что факт создания филиалов, представительств обществ «Парекс банк» и «Цитаделе банк» на территории Российской Федерации в соответствии с требованиями законодательства не подтвердился, из материалов дела усматривается, что фактически указанные общества осуществляли банковскую деятельность в Российской Федерации, оказывая банковские услуги частным субъектам в Российской Федерации через организованные представительства третьих лиц – латвийских компаний Citadele и Parex Asset Management, функционирующие от

96 Будылин С.Л., Иванец Ю.Л. Указ. соч. С. 114.

их имени, помещения которых непосредственно использовались для обслуживания лиц, заинтересованных в банковских услугах. Данная структура, по мнению Президиума, была создана банками в обход требований банковского законодательства о банковском контроле.

Как указал Президиум ВАС РФ, тот факт, что данные представительства фактически функционировали как представительства банков, реализующие их услуги в России, и у потребителей услуг существовала возможность совершать сделки по месту нахождения представительств без прямого контакта с головными офисами банков в Латвии, с очевидностью свидетельствует о том, что предпринимательскую деятельность на территории Российской Федерации осуществляют именно ответчики - банки, используя своих аффилированных лиц (доктрина «срывания корпоративной вуали»).

При этом в обоснование своей позиции Президиум обратился к практике Европейского суда Евросоюза, который в одном из своих решений признал, что представительством зарубежной компании может быть признана и независимая организация, через которую зарубежная компания ведет свою деятельность, что вызывает немало вопросов с учетом того, что Российская Федерация не является членом Европейского союза, а следовательно, указанные решения не обязательны для российских судов.

Вместе с тем, на мой взгляд, ссылка Президиума на практику Европейского суда имеет скорее сравнительно-правоведческий характер нежели побуждающий к формально-обязательному использованию данной зарубежной практики.

Таким образом, возвращаясь к сделанным высшей судебной инстанцией выводам, Президиум признал, что существование аффилированных лиц для целей данного спора игнорируется, а реальными субъектами деятельности на территории России являются сами латвийские банки.

Вместе с тем ВАС РФ, установив, что истцом заявлен иск из договоров банковского депозита, которые заключены не через представительство банков в Российской Федерации, а с материнским банком в Риге, то есть местом

заключения и исполнения договоров является Латвийская Республика, денежные средства находятся на депозитном счете также в Латвии, пришел к выводу о том, что тесная связь рассматриваемых правоотношений с территорией России в целях признания компетенции арбитражных судов Российской Федерации для разрешения данного спора отсутствует.

Представляется, что поскольку обстоятельства данного дела абсолютно не типичны для применения института снятия корпоративной вуали, так как обычно под снятием корпоративной вуали в литературе и судебной практике понимается привлечение контролирующего юридического лица к ответственности по обязательствам подконтрольной ему организации, в то время как в данном случае речь, напротив, шла не об обязательствах аффилированных с банком организаций, а об обязательствах самого банка, по которым он сам привлекался к ответственности, в связи с чем необходимо было для целей определения компетентного суда определить наличие в Российской Федерации представительства банка в результате осуществления им своей деятельности через российские представительства его аффилированных организаций, данная доктрина в итоге не была четко сформулирована Президиумом ВАС РФ и упомянута им лишь вскользь.

По мнению А.В. Асоскова⁹⁷, в данном случае невозможно говорить о подлинном снятии корпоративных покровов, поскольку речь вообще не шла о привлечении к ответственности каких-либо третьих лиц, за исключением самого банка.

В связи с этим, на мой взгляд, интересно будет вспомнить приведенное ранее дело *Adams v. Cape Industries*, рассмотренное английскими судами, в котором также решался вопрос о снятии корпоративного покровов для юрисдикционных целей, в котором, однако, суды пришли к выводу о том, что британская компания не осуществляла непосредственно свою деятельность в США, а аффилированная с ней американская компания не выступала ее

⁹⁷Асосков А.В. Коллизионное регулирование снятия корпоративных покровов // Вестник гражданского права. 2013. № 5. С. 130.

простым фасадом, в связи с чем не нашли оснований для снятия корпоративной вуали в целях привлечения британской компании к ответственности по обязательствам ее дочерней американской организации.

В еще одном известном деле № А56-38334/2011, производство по которому было возбуждено по иску миноритарных акционеров ОАО «Кировский завод»⁹⁸ (далее – Завод) – ЗАО «Регистроникс» и ОАО «Балтийский эмиссионный союз» к дочерним обществам Завода - ОАО «Тетрамет», ЗАО «Металлургический завод «Петросталь» и ЗАО «ПТЗ» о признании недействительными решений Завода, принятых им как единственным акционером данных обществ, об одобрении совершения дочерними обществами сделок по отчуждению пакетов акций, арбитражные суды заняли достаточно консервативную позицию в отношении применения неcodифицированной доктрины снятия корпоративной вуали⁹⁹.

По мнению миноритариев, в результате цепи взаимосвязанных сделок, совершенных при наличии признаков злоупотребления правом со стороны генерального директора Завода, крупный пакет акций был отчужден на основании решений принятых директором Завода в пользу аффилированных с ним третьих лиц - организаций, принадлежащих лицам, состоящим в родственных отношениях с указанным директором, дочерними обществами, а впоследствии оказался в управлении самого директора и его подконтрольных лиц, что привело к умалению имущества Завода, уменьшению стоимости его акций и утрате миноритариями возможности влиять на управление Заводом в той степени, в какой они могли это делать до приобретения акций генеральным директором Завода и его родственниками.

Суд первой инстанции, отказывая в удовлетворении заявленных требований, исходил из того, что сама по себе зависимость дочернего общества от основного в силу преобладающего участия основного общества в уставном

⁹⁸ Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 01.10.2012 по делу № А56-38334/2011 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹⁹ Бudyлин С.Л., Иванец Ю.Л. Указ. соч. С. 119.

капитале дочернего не наделяет акционеров основного общества правом оспаривать решения органов управления дочерних обществ.

В апелляционной инстанции миноритарии заявили ходатайство о применении доктрины срывания корпоративной вуали с дочерних обществ с целью признания совершенных ими сделок сделками самого Завода, что позволило бы акционерам оспорить их, обосновывая это тем, что генеральный директор Завода злоупотребляет конструкцией юридического лица, используя дочерние общества для вывода активов в свою пользу. Однако апелляционный суд, оставляя апелляционную жалобу без удовлетворения, подчеркнул, что дочерние общества в соответствии с законом являются самостоятельными юридическими лицами, а применение при рассмотрении дела какой-либо доктрины в качестве отдельного процессуального действия АПК РФ не предусмотрено, что свидетельствует о весьма формальном, по моему мнению, отношении к данной проблеме.

Акционеры также пытались обосновать применение института снятия корпоративной вуали ссылкой на вышераассмотренное постановление Президиума ВАС РФ по делу банка «Парекс». Однако апелляционный суд, оставляя решение суда первой инстанции без изменения, указал на то, что фактические обстоятельства, послужившие основанием для непосредственного применения доктрины снятия корпоративной вуали в упомянутом деле, не совпадают с обстоятельствами данного дела, в связи с чем отклонил ссылку истцов на судебный прецедент.

Отказывая в удовлетворении заявленных истцами требований, суды первой и апелляционной инстанций по существу исходили из того, что сама по себе зависимость дочернего общества от материнского общества в силу преобладающего участия основного общества в уставном капитале дочернего общества, а также положения Закона № 208-ФЗ не наделяют акционеров основного общества правом оспаривать решения органов управления дочерних обществ.

Суд кассационной инстанции, также отклонив ходатайство истцов о применении института снятия корпоративной вуали, со ссылкой на разъяснения, приведенные в п. 27 постановления Пленума ВАС РФ от 18.11.2003 № 19 «О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об акционерных обществах»¹⁰⁰, согласно которым решение исполнительного органа акционерного общества (единоличного или коллегиального) может быть оспорено в судебном порядке путем предъявления иска о признании его недействительным как в случае, когда возможность оспаривания предусмотрена в Законе № 208-ФЗ, так и при отсутствии соответствующего указания, если принятое решение не отвечает требованиям названного Закона и иных нормативных правовых актов и нарушает права и охраняемые законом интересы акционера, отменил обжалуемые судебные акты и направил дело на новое рассмотрение, указав, что несмотря на то, что истцы - ЗАО «Регистроникс» и ОАО «Балтийский эмиссионный союз» не являются акционерами ОАО «Тетрамет», ЗАО «Металлургический завод «Петросталь» и ЗАО «ПТЗ», а оспариваемые ими решения одновременно являются решениями единственного акционера перечисленных обществ, принятыми Заводом при осуществлении своих обязанностей по управлению дочками, не лишает истцов возможности оспаривать их в судебном порядке как решения единоличного исполнительного органа Завода, акционерами которого они являются, в связи с чем, суду при новом рассмотрении дела необходимо выяснить, действовал ли генеральный директор при принятии оспариваемых решений добросовестно и разумно в интересах самого Завода, что не было установлено при первоначальном рассмотрении дела нижестоящими судебными инстанциями.

Таким образом, Федеральный арбитражный суд Северо-Западного округа (в настоящее время – АС СЗО) в данном деле так же, как и апелляционный суд, предпочел воздержаться от использования доктрины снятия корпоративной вуали и избежал употребления указанного термина, что свидетельствует о

¹⁰⁰Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 18.11.2003 № 19 «О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об акционерных обществах» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

небезосновательно осторожном отношении судов в целом к применению данного зарубежного института, но вместе с тем прибегнул к более тонкой и сложной, на мой взгляд, аргументации для пересмотра дела, выводя изложенную им в постановлении правовую позицию непосредственно из норм закона.

В результате нового рассмотрения при обжаловании в апелляционном порядке суд, установив наличие негативных экономических последствий принятия оспариваемых корпоративных актов непосредственно для общества и миноритарных акционеров как слабой стороны в корпоративных отношениях, выразившихся в заниженной цене, по которой был отчужден пакет акций (в 13-15 раз дешевле их рыночной стоимости), накапливаемый группой предприятий Завода в течение длительного времени в целях привлечения инвестиционных ресурсов, а также лишения акционеров возможности реализовать право приобретения данных акций Завода или продажи собственных без каких-либо ограничений, что свидетельствует о создании препятствия для совершения корпоративных сделок в условиях свободы договора, своей волей и в своем интересе, частично отменил решение суда первой инстанции и признал недействительными оспариваемые корпоративные акты.

Наряду с этим апелляционный суд также отметил, что отчуждение имущества дочернего общества, в том числе тогда, когда акции полностью принадлежат основному обществу, свидетельствует о нарушении прав и законных интересов акционеров основного общества, поскольку отсутствует эквивалентное встречное предоставление, и акционеры лишаются на будущее возможности принимать управленческие решения в отношении данного общества и получать выгоды от его использования в своих интересах.

При наличии совокупности условий: несоответствия закону, нарушения интересов акционеров основного общества и зависимости дочерних обществ от ОАО «Кировский завод» иск ОАО «Балтийский эмиссионный союз» и ОАО «Регистроникс», по мнению апелляционного суда, подлежит удовлетворению.

Подводя итог вышесказанному, следует согласиться с позицией, высказанной Е.А. Сухановым: «Действующему законодательству пока известны два института, близких к категории “проникающей ответственности”: ответственность материнских компаний за некоторые сделки дочерних обществ и установленная ст. 10 Закона № 127-ФЗ ответственность учредителей (участников) юридического лица – должника перед его кредиторами. Классических случаев возложения имущественной ответственности по долгам хозяйственного общества на его участника (участников) с помощью “снятия корпоративных покровов” (помимо процедуры банкротства) российское право пока не знает»¹⁰¹.

Заключение

В результате проведенного научного исследования, можно сделать вывод о том, что институт снятия корпоративной вуали в общем виде представляет собой игнорирование принципа ограниченной ответственности учредителей (участников) юридического лица перед его кредиторами.

В целом доктрина снятия корпоративной вуали – это механизм, появившийся и получивший свое развитие в рамках англо-американского права. Ее возникновение и применение именно в этом правовом порядке обусловлено целым рядом предпосылок, чуждых континентальному праву, использующему для решения соответствующих проблем иные, более традиционные институты.

Проводя сравнительный анализ практики применения института снятия корпоративной вуали в таких зарубежных странах, как Америка, Англия и Германия, необходимо сделать вывод о том, что американские суды гораздо более склонны применять данную доктрину, чем суды Англии, отличающиеся большей степенью формализма. В том числе американские суды применяют эту доктрину и в отношении договорных обязательств, от чего категорически отказываются английские суды. Также в судебной практике США существуют

¹⁰¹ Суханов Е.А. Ответственность участников корпорации по ее долгам в современном корпоративном праве // Проблемы реформирования Гражданского кодекса России : Избранные труды 2008 - 2012 гг. М., 2013. С. 267.

определенные «тесты», которые помогают судам с учетом всех обстоятельств решить вопрос о необходимости применения института снятия корпоративной вуали.

Что касается Германии, то игнорирование самостоятельности юридического лица в практике немецких судов показывает, что здесь нет места для отдельного института снятия корпоративной вуали. В тех ситуациях, когда английские и американские юристы рассуждают о снятии корпоративной вуали, немецкие используют иные более традиционные для континентального права конструкции.

Российскому праву доктрина снятия корпоративного покрыва в чистом виде пока не известна, за исключением случаев, которые лишь формально относятся к примерам применения данной доктрины¹⁰².

В российском законодательстве положения, сходные по смыслу с институтом снятия корпоративной вуали присутствуют только в ситуациях привлечения к ответственности материнской компании по долгам дочерней, а также при банкротстве организаций в определенных случаях, указанных в Законе о банкротстве. Названные ситуации не исчерпывают случаи, когда было бы правильным привлечь к ответственности контролирующее лицо.

Кроме того, отсутствуют положения, близкие зарубежной практике, когда единственный участник акционерного общества или общества с ограниченной ответственностью, не доводя его до банкротства, может быть привлечен к ответственности, если кредитор докажет, что именно по вине участника он терпит убытки. В данном случае суды в Российской Федерации предлагают использовать способы защиты, установленные в действующем законодательстве, однако, по моему мнению, их объективно не хватает для полной реализации прав кредиторов.

Таким образом, на фоне зарубежных концепций ответственность контролирующих должника лиц по российскому законодательству о

102Егоров А.В., Усачева К.А. Нетипичные проявления доктрины снятия корпоративного покрыва: решение проблемы за рубежом и в России // Арбитражная практика. 2014. № 3. С. 88.

несостоятельности представляет собой довольно плохо отлаженную группу норм, обладающую целым рядом серьезных недостатков, главным из которых, по мнению некоторых ученых, является отказ от традиционного возмещения убытков в форме деликтной ответственности соответствующего лица, виновного в банкротстве компании.

По мнению А.В. Егорова и К.А. Усачевой, заимствование англо-американского опыта применения доктрины снятия корпоративной вуали может принести больше вреда, чем практической пользы, и несет в себе опасность разрушения относительно устоявшихся основ российского корпоративного права.

На мой взгляд, такая точка зрения является довольно спорной, поскольку результат восприятия иностранного опыта будет зависеть исключительно от того, каким образом и в каком объеме осуществлять заимствование.

Данные авторы, выбирая из двух основных способов уплаты цены ограниченной ответственности – предварительно (уставный капитал) или впоследствии с помощью снятия корпоративной вуали, высказываются преимущественно в пользу развития эффективного функционирования тех институтов, которые уже есть в российском законодательстве, например, требований к достаточной капитализации, предварительной проверке создаваемых юридических лиц, а в случаях, когда эти инструменты не помогают – развивать институт деликтного права и иные уже имеющиеся механизмы.

Представляется, что такая постановка проблемы, когда следует выбирать между преимуществами той или иной системы, заведомо неправильна. На мой взгляд, решение вопроса о наиболее оптимальном распределении рисков между участниками юридического лица, которые так или иначе всегда будут стремиться ограничить свою ответственность по его долгам, и иными субъектами гражданского оборота, вступающими с ним в правоотношения, не должно быть столь узким и односторонним, а минимизация злоупотреблений, допускаемых участниками юридического лица, должна производиться

комплексно – не только на этапе его возникновения посредством совершенствования положений, регулирующих осуществление предварительной проверки создаваемых организаций и устанавливающих требования к минимальному размеру уставного капитала, но и впоследствии в правоприменительной практике.

Поэтому не стоит бояться и категорично отказываться от исследования и частичного заимствования наиболее ценных и разработанных достижений практики в право порядках как общей системы права, так и континентальной. Аккуратная и фрагментарная рецепция зарубежного опыта, взвешенное внедрение конкретных инструментов доктрины снятия корпоративного покрова и связанных с ней теорий в систему действующего российского законодательства позволит сделать существующий институт ответственности контролирующего лица более гибким в целях формирования справедливого разрешения споров в указанной области и поддержания принципа добросовестности участников в гражданском обороте.

Так, в Российской Федерации, на мой взгляд, может быть использована выработанная и апробированная американскими судами система тестов, представляющая собой набор гибких критериев, позволяющих снять корпоративную вуаль, не ограничиваясь при этом конкретными типовыми ситуациями, что в действительности поможет российским судам при решении разнообразных споров. Представляется, что разъяснения по данному вопросу могут быть закреплены в Постановлении Пленума ВС РФ.

Список литературы

1. Нормативные правовые акты Российской Федерации

1.3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : федер. закон от 30 нояб. 1994 г. №51-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301. – (с изм. и доп. на 13.05.2016);

1.1. Об акционерных обществах : федер. закон. от 26 дек. 1995 г. №208-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 1. – Ст. 1. – (с изм. и доп. на 13.05.2016);

1.2. Об обществах с ограниченной ответственностью : федер. закон от 8 фев. 1998 г. №14-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1998. – № 7, – Ст. 785. – (с изм. и доп. на 13.05.2016);

1.3. О несостоятельности (банкротстве) : федер. закон от 26 окт. 2002 г. №127-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2002. – № 43. – Ст. 4190. – (с изм. и доп. на 13.05.2016);

Иностраные нормативные правовые акты

1.4. Aktiengesetz vom 6. September 1965 (BGBl. I S. 1089), das zuletzt durch Artikel 3 des Gesetzes vom 20. Dezember 2012 (BGBl. I S. 2751) geändert worden ist;

1.5. Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung in der im Bundesgesetzblatt Teil III, Gliederungsnummer 4123-1, veröffentlichten bereinigten

Fassung, das zuletzt durch Artikel 2 Absatz 51 des Gesetzes vom 22. Dezember 2011 (BGBl. I S. 3044) geändert worden ist.

2. Научная и учебно-методическая литература

Книги, учебники, монографии

2.1. Братусь, С. Н. Юридические лица в советском гражданском праве : Понятие, виды, государственные юридические лица / С. Н. Братусь // Всесоюзный институт юридических наук Минюста СССР. – М. : Юрид. изд-во Минюста СССР, 1947. – 364 с.

2.2. Государственная социалистическая собственность / Венедиктов, А. В. / отв. ред. В. К. Райхер - М., Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – 839 с.

2.3. Гражданское право, общая часть : в 4 т. под общ. ред. Е. А. Суханова. – М. : Юрид. лит., 2008. – 4 т.

2.4. Грибанов, В. П. Юридические лица. М.: Издательство Моск. университета, 1961. – 115 с.

2.5. Гуляев, А. М. Русское гражданское право. СПб., 1913. – 652 с.

2.6. Дювернуа, Н. Л. Чтения по русскому гражданскому праву. Т. 1. Вып. 2. СПб., 1898. – 324 с.

2.7. Макарова, О. А. Корпоративное право : учебник / О. А. Макарова. – М. : Волтерс Клувер, 2005. – 420 с.

2.8. Мейер, Д. И. Русское гражданское право. Ч.1. М.: Статут, 1997. – 290 с.

2.9. Покровский, И. А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 1998. – 353 с.

2.10. Суворов, Н. С. Об юридических лицах по римскому праву / МГУ; юридический ф-т: каф. гражд. права . – М. : Статут, 2000 . – 299 с.

2.11. Суханов, Е. А. Проблемы реформирования Гражданского кодекса России : Избранные труды 2008 - 2012 гг. / Е. А. Суханов. – М. : Статут, 2013. – 494 с.

2.12. Толстой, Ю. К. Содержание и гражданско-правовая защита права собственности в СССР. Л., 1955. – 220 с.

2.13. Шершеневич, Г. Ф. Учебник русского гражданского права. М.: Спарк, 1995. – 555 с.

2.14. Шиткина, И. С. Корпоративное право / И. С. Шиткина. – М. : Волтерс Клувер, 2007. – 312 с.

2.15. Шиткина, И. С. «Снятие корпоративной вуали» в российском праве : правовое регулирование и практика применения / И. С. Шиткина // Хозяйство и право. – 2013. – № 2. – С. 3-26.

Научные статьи, статьи из сборников

2.16. Аскназий, С. И. Об основаниях правовых отношений между государственными социалистическими организациями // Уч. зап. Ленинградского юрид. ин-та. Вып. IV. Л., 1947. С. 5-47.

2.17. Асосков, А. В. Коллизионное регулирование снятия корпоративных покровов / А. В. Асосков // Вестник гражданского права. – 2013. – № 5. – С. 120-144.

2.18. Будылин, С. Л., Иванец, Ю. Л. Срывая покровы. Доктрина снятия корпоративной вуали в зарубежных странах и в России / С. Л. Будылин, Ю. Л. Иванец // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2013. – № 7. – С. 80-125.

2.19. Генкин, Д. М. Юридические лица в советском гражданском праве // Проблемы социалистического права. 1939. № 1. С. 80-105.

2.20. Герваген, Л. Л. Развитие учения о юридическом лице // Журнал гражданского и уголовного права. – 1888. кн. 10. – С. 68-93.

2.21. Егоров, А. В., Усачева, К. А. Доктрина «снятия корпоративного покровов» как инструмент распределения рисков между участниками корпорации и иными субъектами оборота / А. В. Егоров, К. А. Усачева // Вестник гражданского права. – 2014. – № 1. – С. 32-73.

2.22. Егоров, А. В., Усачева, К. А. Нетипичные проявления доктрины снятия корпоративного покрова: решение проблемы за рубежом и в России / А. В. Егоров, К. А. Усачева // Арбитражная практика. – 2014. – № 3. – С. 82-88.

2.23. Егоров, А. В., Усачева, К. А. Субсидиарная ответственность за доведение до банкротства — неудачный эквивалент западной доктрины снятия корпоративного покрова / А. В. Егоров, К. А. Усачева // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2013. – № 12. – С. 6-61.

2.24. Захаров, А. Н. Некоторые вопросы снятия корпоративной вуали: американский опыт и возможности его использования в российском праве / А. Н. Захаров // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2014. – № 10. – С. 32-62.

2.25. Козлова, Н. В. Сущность юридического лица и современный правопорядок / Н. В. Козлова // Проблемы развития частного права : сб. ст. к юбилею В. С. Ема. – М., 2011. – С. 225-241.

2.26. Крылов, В. Г. Доктрина снятия корпоративной вуали в странах общего права: опыт Великобритании и США / В. Г. Крылов // Гражданское право. – 2013. – № 4. – С. 20-23.

2.27. Ломакин, Д. В. Концепция снятия корпоративного покрова: реализация ее основных положений в действующем законодательстве и проекте изменений Гражданского кодекса РФ / Д. В. Ломакин // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2012. – № 9. – С. 6-33.

2.28. Мусин, В. А. Волевые акты государственного предприятия и проблема сущности юридического лица / В. А. Мусин // Правоведение. – 1963. – № 1. С. 55-70.

2.29. Проблемы современной цивилистики : сб. ст., посвященных памяти профессора С. М. Корнеева / отв. ред. Е. А. Суханов, М. В. Телюкина. – М., 2013. – С. 348.

Зарубежная литература

2.30. Bainbridge S. M. Abolishing LLC Veil Piercing // University of Illinois Law Review. 2005. N 1. P. 80.

- 2.31. Bainbridge S. M. Abolishing Veil Piercing // Journal of Corporation Law. 2001. Vol. 26.
- 2.32. Beseler G.v. Volksrecht und Juristenrecht. 1843.
- 2.33. Brinz A. Lehrbuch der Pandekten. Bd. 1. Erlangen & Leipzig, 1857.
- 2.34. Denys Hickey and David Richards, United Kingdom: Piercing The Corporate Veil: Supreme Court Clarifies The English Law Position, 25.09.2013.
- 2.35. Gierke O.v. Deutsches Privatrecht. Bd. 1. Berlin, 1905.
- 2.36. Griffin S. Company Law. Fundamental Principles. 4th ed. 2006. P. 15.
- 2.37. Ihering R.v. Geist des romischen Rechts auf den verschiedenen Stufen seiner Entwicklung. Bd. III. Leipzig, 1865.
- 2.38. Merkt H., Gothel S. R. US-amerikanisches Gesellschaftsrecht. Frankfurt am Main, 2006. S. 1006.
- 2.39. Mulhens J. Der sogenannte Haftungsdurchgriff im deutschen und englischen Recht: Unterkapitalisierung und Vermögensentzug. Tübingen, 2006. S. 110.
- 2.40. Savigny F.C.v. System des heutigen romischen Rechts. Bd. II. Berlin, 1840; Windscheid B. Lehrbuch des Pandektenrechts. Bd. I. 8. Aufl. Frankfurt, 1900.
- 2.41. von Arnim C. U. S. Corporation und Aktiengesellschaft im Rechtsvergleich - Haftungsdurchgriff im deutschen Kapitalgesellschaftsrecht und Piercing the Corporate Veil im Recht der U. S.-amerikanischen Corporation. NZG. 2000. S. 1006.
- 2.42. Wormser I. Piercing the veil of corporate entity // Columbia Law review. N.Y., 1912. № 12. P. 496 - 518.

3. Судебная практика

3.1. Постановление Пленумов Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 01.07.1996 № 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

3.2. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 18.11.2003 № 19 «О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об акционерных обществах» // СПС «КонсультантПлюс».

3.3. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // СПС «КонсультантПлюс».

3.4. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 24.04.2012 № 16404/11 по делу № А40-21127/11-98-184 // СПС «КонсультантПлюс».

3.5. Постановление Федерального Арбитражного Суда Западно-Сибирского округа от 06.06.2012 по делу № А70-7811/2011 // СПС «КонсультантПлюс».

3.6. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 01.10.2012 по делу № А56-38334/2011 // СПС «КонсультантПлюс».

3.7. Определение ВАС РФ от 29.04.2013 № ВАС-11134/12 по делу № А60-1260/2009 // СПС «КонсультантПлюс».

3.8. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 15.05.2015 по делу № А56-42758/2011 // СПС «КонсультантПлюс».

3.9. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 23.12.2015 по делу № А56-80990/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

3.10. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 16.02.2016 по делу № А56-7049/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

3.11. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 03.03.2016 по делу № А56-36516/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

Зарубежная судебная практика

3.12. Постановление Апелляционного суда США по Пятому округу. *Bridas S.A.P.I.C. v. Government of Turkmenistan*, 447 F.3d 411 (5th Cir. 2006).

3.13. Постановление Апелляционного Суда Англии и Уэльса. *Adams v Cape Industries plc* [1990] Ch 433.

3.14. Постановление Высокого Суда Англии и Уэльса. Hashem v Shayif & Anor [2008] EWHC 2380 (Fam).

3.15. Постановление Высокого Суда Англии и Уэльса. Antonio Gramsci Shipping Corp & Ors v Stepanovs [2011] EWHC 333 (Comm).

3.16. VTB Capital Plc v Nutritek International Corp & Ors [2011] EWHC 3107 (Ch) (Высокий Суд Англии и Уэльса); affirmed by [2012] EWCA Civ 808 (Апелляционный Суд Англии и Уэльса); affirmed by [2013] UKSC 5 (Верховный Суд Соединенного Королевства).

3.17. Постановление Апелляционного суда США по Второму округу. American Fuel Corp. v. Utah Energy Development Co., Inc., 122 F.3d 130 (2nd Cir. 1997).

3.18. Постановление Окружного суда США по Южному округу Нью-Йорка. JSC Foreign Economic Association Technostroyexport v. International Development and Trade Services, Inc., 386 F.Supp.2d 461 (S.D.№.Y. 2005).

3.19. Постановление Верховного Суда Германии. BGH, 24.06.2002 - II ZR 300/00, BGHZ 151, 181 («KBV»).

3.20. Постановление Европейского Суда справедливости. Judgment of the Court (Sixth Chamber) of 9 December 1987. SAR Schotte GmbH v Parfums Rothschild SARL. Case 218/86 // European Court reports. 1987. P. 4905.

3.21. Решение Апелляционного суда Англии и Уэльса по делу DHN Food Distributors Ltd. v. Tower Hamlets London Borough Council [1976] 3 All E.R. 462.

3.22. Решение Судебного комитета палаты лордов по делу Salomon v. A. Salomon & Co Ltd. [1897]. AC 22.

3.23. Постановление Верховного Суда Германии. BGH, 17.09.2001 - II ZR 178/99, BGHZ 149, 10 («Bremer Vulkan»).

3.24. Booth v. Bunce, 33 №.Y. 139 (1865).

3.25. U.S. v. Milwaukee Refrigerator Transit Co., 142 F. 247 (C.C.E.D. Wisc. 1905).

3.26. VTB v Nutritek [2013] UKSC 5. Para. 158.

3.27. G.E.J. Corp. v. Uranium Aire, Inc., 311 F.2d 749 (9th Cir. 1963).

3.28. Paramount Petroleum v. Taylor Rental Ctr., 712 S.W.2d 534, 536 (Tex. App. – Houston [14th Dist.] 1986, writ ref'd n.r.e.).

3.29. Solar International Shipping Agency v. Eastern Proteins Export, Inc. 778 F.2d 922, 925 (2nd Cir. 1985).